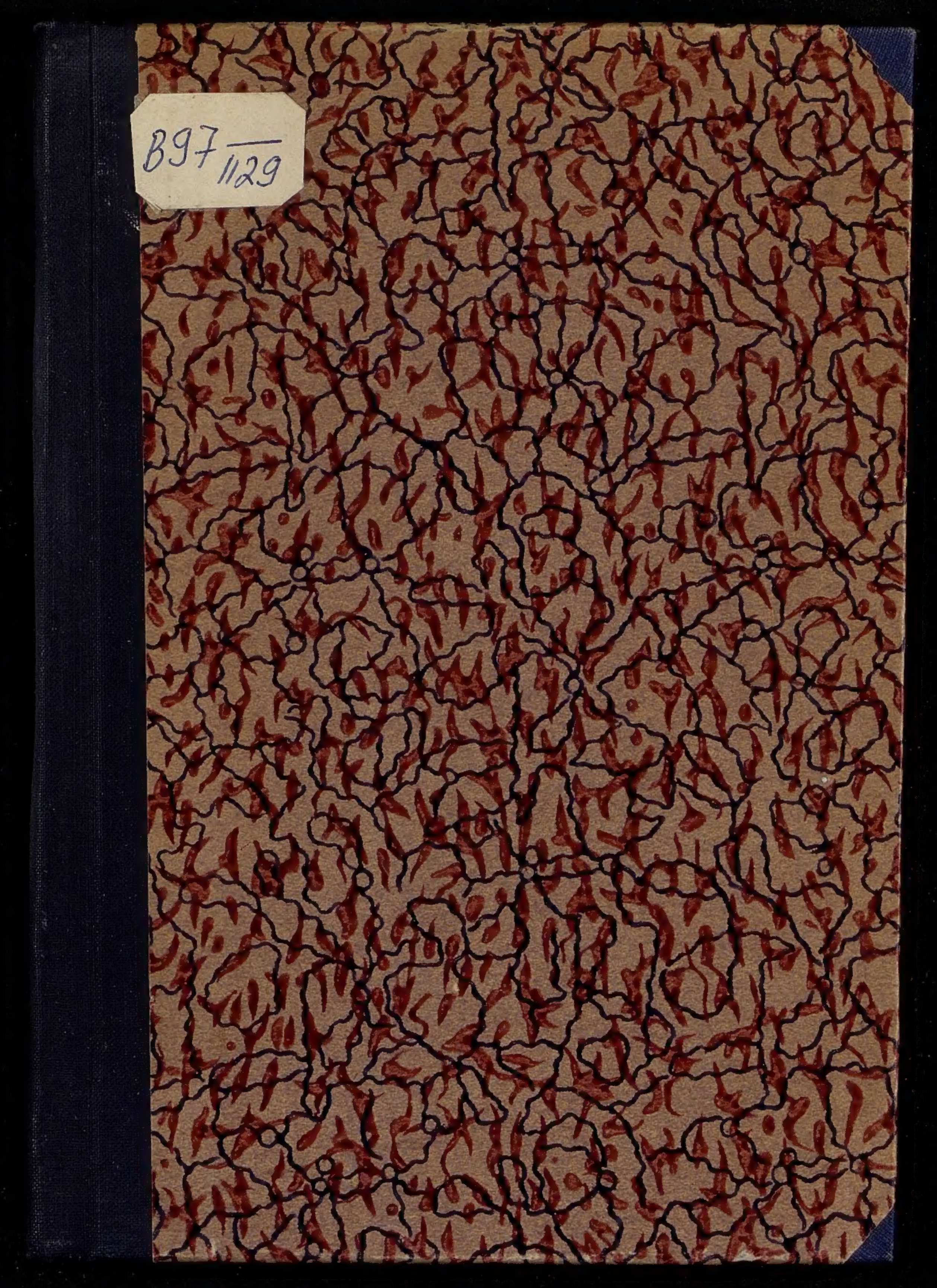
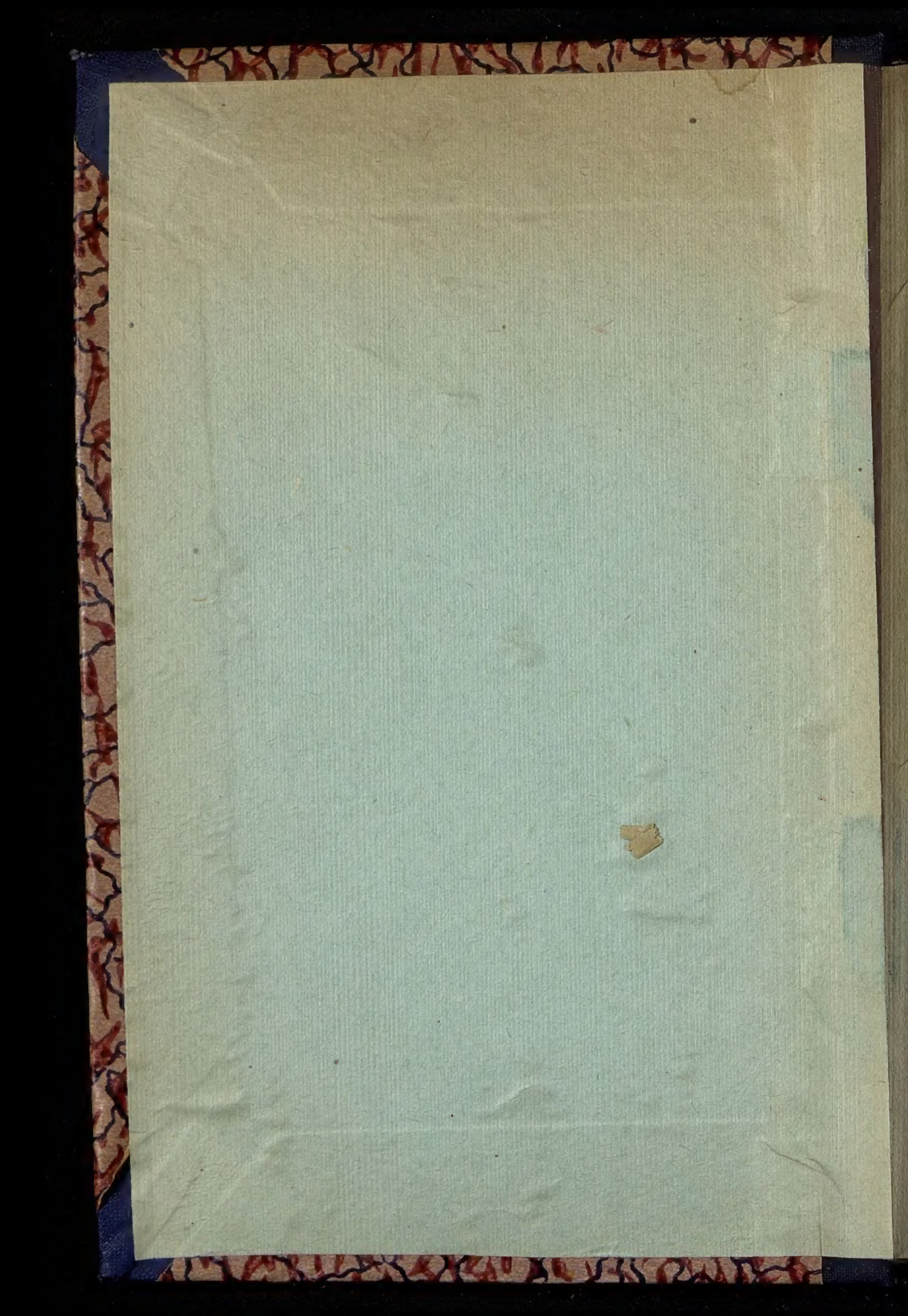
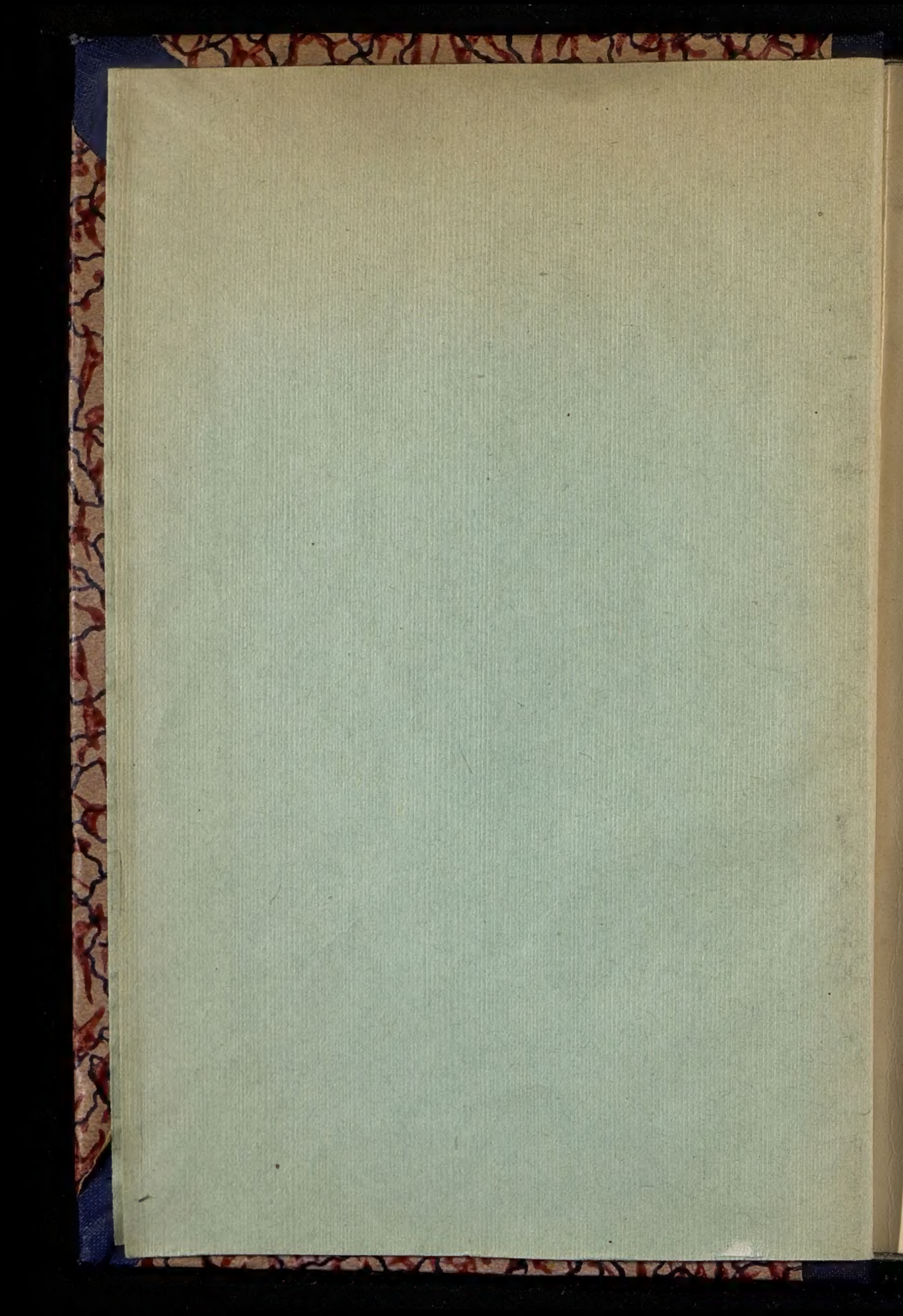
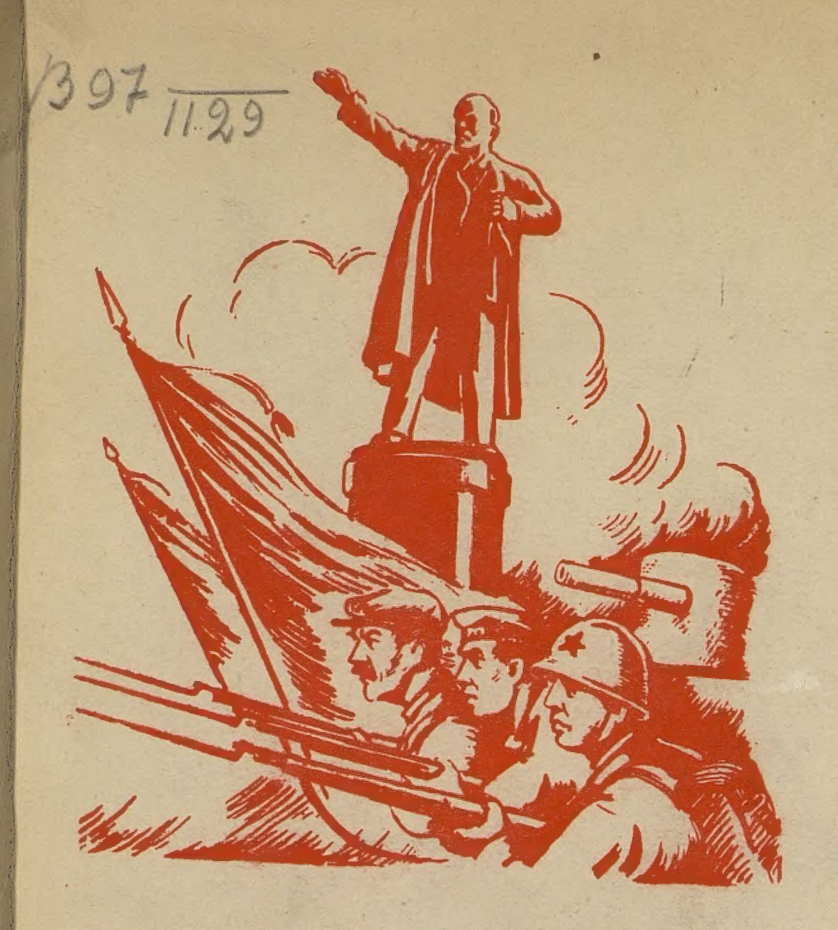

B97
1129

ВЕЛИКИЙ ГОРОД ЛЕНИНА

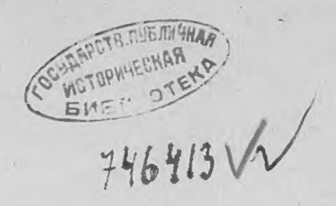
ОГИЗ — ГОСЛИТИЗДАТ — 1942

ВЕЛИКИЙ ГОРОД ЛЕНИНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК

★

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1942

СОДЕРЖАНИЕ

Составила *Р. Ковнатор*. Редактор *Л. Скорино*.

Подп. к печ. 5/VI—42 г. ЕО16964. 7 п. л. 6,8 уч.-авт. л. Тираж 50 000.
Цена 1 р. 50 к. Заказ № 297.

Тип. им. Мяги треста «Полиграфкнига», ОГИЗ, г. Куйбышев, ул. Венцека, 60.

Как богатырь над волнами в тумане,
Стоит в сверканье молний Ленинград.
Над миром ночь бездонна и темна,
Но в скрежете, гуденье, в звоне стали
Клянемся, что отмстим врагу сполна,
Что за отчизну биться не устанем!
Не дорожа своею головой,
Испепелим врага кровавым градом,
Клянемся в том могучею Москвой,
Клянемся в том любимым Ленинградом!
Она взойдет, победная заря,
Над тьмой немецкой, злобной и холодной.
Два города, как два богатыря,
Возглавят праздник славы всенародной.

НИК. ТИХОНОВ

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ ГОРОДА ЛЕНИНА

Товарищи ленинградцы, дорогие друзья!

Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск. Враг пытается проникнуть к Ленинграду. Он хочет разрушить наши жилища, захватить фабрики и заводы, разграбить народное достояние, залить улицы и площади кровью невинных жертв, надругаться над мирным населением, поработить свободных сынов нашей родины. Но не бывать этому! Ленинград — колыбель пролетарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны — никогда не был и не будет в руках врагов, не для того мы живем и трудимся в нашем прекрасном городе, не для того мы своими руками построили могучие фабрики и заводы Ленинграда, его замечательные здания и сады, чтобы все это досталось немецким фашистским разбойникам.

Никогда не бывать этому! Не впервые ленинградцам давать отпор зарвавшимся врагам, и на этот раз коварные планы врага не осуществятся. Красная Армия доблестно защищает подступы к городу, морской и воздушный флот поражает врага, отбивая его атаки! Однако враг еще не сломлен, ресурсы его еще не иссякли и он не оставил еще своих подлых разбойничьих замыслов захвата Ленинграда.

Чтобы не быть застигнутыми врасплох, мы должны ясно видеть намерения врага и противопоставить им нашу готовность отстаивать Ленинград, защищать нашу свободу, наших детей, наши очаги.

Десятки тысяч ленинградцев мужественно сражаются на фронте. Мы обращаемся к ним: будьте образцовыми воинами Красной Армии! Будьте тверды, сплачивайте своим примером боевых товарищей! Воспитывайте в них дух бесстрашия, отваги и преданности родине!

Создадим в помощь действующей Красной Армии в Ленинграде новые отряды народного ополчения, которые будут готовиться к обороне Ленинграда с оружием в руках, выделим в ряды этих отрядов народного ополчения лучшие свои силы, самых смелых и отважных своих товарищей — рабочих, служащих, интеллигентов! Отряды народного ополчения должны немедленно приняться за изучение военного дела, быстро овладеть винтовкой, пулеметом, гранатой и подготовиться к защите города.

Все трудящиеся Ленинграда должны окружить отряды народного ополчения могучей поддержкой.

Женщины, вдохновляйте ваших мужей, сыновей и братьев на боевые подвиги!

Молодежь, вступай в ряды отрядов народного ополчения!

Красная Армия требует от нас, ленинградцев, больше и больше вооружения. Обеспечить снабжение бойцов на фронте вооружением и боеприпасами, снабдить оружием отряды народного ополчения — первейшая задача тех, кто кует нашу победу у станков на наших фабриках и заводах.

Ленинградские рабочие, инженеры и техники, крепите оборону родины, оборону родного города с еще большей самоотверженностью, не покладая рук, с полным сознанием ответственности решительного момента работайте на производстве, увеличивайте производство вооружения и боеприпасов для фронта, товарищи ленинградцы!

Злобный и подлый враг в своей исступленной ненависти к нашей родине, к нашему народу не останавливается ни перед бомбардировками мирных городов, ни перед расстрелами женщин и детей. Гитлеровские бандиты ведут подготовку к применению еще более гнусных средств — отравляющих газов. Приведем в полную готовность противовоздушную и противохимическую оборону города. Еще и еще раз проверим, все ли сделано каждым из нас, каждым предприятием, каждым учреждением для противовоздушной и противохимической обороны. Не должно быть ни одного ленинградца, не умеющего применять средств противовоздушной и противохимической обороны!

Товарищи, враг жесток и неумолим, его злодеяниям нет предела. Организованностью, выдержкой, смелостью и беспощадным истреблением фашистских убийц мы можем и должны остановить кровавую расправу, которую творит враг над советскими людьми, предотвратить грозную опасность, нависшую над нашим городом, защитить Ленинград от врага.

Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы. Выполним наш священный долг советских патриотов и будем неукротимы в борьбе с лютым и ненавистным врагом, будем бдительны и беспощадны в борьбе с трусами, паникерами и дезертирами, установим строжайший революционный порядок в нашем городе. Вооруженные железной дисциплиной, большевистской организованностью, мужественно встретим врага и дадим ему сокрушительный отпор.

Ленинградский городской Совет депутатов трудящихся и Городской комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) твердо уверены в том, что ленинградские рабочие, все трудящиеся города Ленина с честью выполнят свой долг перед родиной, не дадут врагу застать себя врасплох, все свои силы отдадут делу обороны Ленинграда, и, верные своим славным революционным традициям, наголову разобьют нахального и дерзкого врага.

Будем стойки до конца, не жалея жизни, будем биться с врагом, разобьем и уничтожим его!

Смерть кровавым немецким фашистским разбойникам!

Победа будет за нами!

Главнокомандующий Маршал *К. Ворошилов.*

Секретарь Ленинградского городского комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
А. Жданов.

Председатель исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся *П. Попков.*

ЗАЩИТИМ НАШУ КУЛЬТУРУ!

Гениальный русский ученый и поэт, сын архангельского рыбака Михайло Ломоносов в поэме, воспевающей бессмертные подвиги Петра, писал:

На устиях Невы его военный звук
Сооружал сей град, воздвигнул храм наук;
И зданий красота, что ныне возрастает,
В оружии свое начало признавает.

Больше двух веков стоит неколебимо наш великий город. Европа пылала огнем, кругом бушевали военные грозы,

а он высился, гордый своей красой, твердыня силы и мудрости народной.

Прославленные зодчие всех времен одевали город в строгий и величественный архитектурный наряд. Как стрелы, протянулись его улицы и проспекты, начертанные рукой вдохновенных художников. Росси и Растрелли, Гваренги, Захаров и Воронихин воздвигли здесь самые совершенные создания своего гения.

На берегах Невы, окруженные цепью крупнейших в стране промышленных предприятий, одно за одним вырастают новые здания, ставшие виднейшим средоточием культурной жизни всего нашего огромного государства. Далеко в глубь Васильевского острова протянулись корпуса Ленинградского университета. Подавляя своей массивностью, высится рядом здание Академии наук. Здесь же на набережной украшенная сползающими к Неве сфинксами стоит Всероссийская Академия художеств, подарившая миру многих прославленных живописцев. Одна из крупнейших в Европе Публичная библиотека, театры, где создавалась классическая школа русского театрального искусства и русского балета, огромные живописные собрания Русского музея и Эрмитажа — все это составляет гордость русской национальной культуры.

Плоды культуры, выращенные гениальным народом, после Великой Октябрьской социалистической революции приумножены и перешли в полное народное владение. В огромных залах Зимнего дворца развернута теперь выставка Музея революции, подробно восстанавливающая картину борьбы трудового народа за свое счастье. Широко открылись перед трудящимися двери Эрмитажа, где собраны бессмертные собрания мировой художественной культуры. Все это стало привычным и обязательным в условиях нашего строя. Давно прошла пора, когда некоторые умилялись, увидев перед картинами Рембрандта или Рафаэля рабочего, колхозника, красноармейца.

Для трудящихся нашего города лучшие мастера советского театра ставили пьесы Гоголя и Чехова, Островского и Горького, Шекспира и Лопе-де-Вега; для них с эстрады Ленинградской филармонии звучали симфонические произведения Глинки и Чайковского, Моцарта и Бетховена. Дети рабочих, колхозников, советской интеллигенции заполняют аудитории лучших учебных заведений, в совершенстве овладевая высотами науки, техники, искусства. В рожденных революцией домах культуры и клубах ленин-

градские трудящиеся проводят свой досуг, отдыхая после героического, доблестного труда.

Все культурные ценности, накопленные человечеством, принадлежат народу. Только народ в праве распоряжаться ими.

Лютый и коварный враг хищно подбирается к нашему городу, к нашим жилищам, к нашей свободе. «Крестоносцы», негодяи, подлейшие из подлых, соединившие в себе самое черное, что только знала история человечества, хотят обрушиться на нашу культуру, уничтожить ее, сжечь на своих кострах величайшие ее завоевания, лишить наш народ света, солнца, заглушить бряцанием мечей свободные песни народа. Это они, палачи и душители прогрессивной мысли, сожгли на кострах сочинения Маркса и Энгельса, поэтические произведения великого Гейне. Это они запрещали исполнение бессмертных симфоний «вольнодумца» Бетховена, уничтожали творения культуры, нашедшие себе достойное место на полках наших библиотек, на подмостках наших театров, в культурном обиходе советских людей.

Не раз иноземные захватчики пытались завладеть просторами нашей страны.

> Европа тем гремит, сама в себе пылая,
> Коль часто Фурия свирепствует в ней злая! —

писал Ломоносов.

Но всегда острый и грозный русский меч бесследно стирал с лица земли тех, кто завидовал «блаженству Росскому». Так было всегда, так будет и теперь!

Мы никогда не допустим, чтобы звериная фашистская лапа топтала проспекты, улицы и мосты нашего красавца-города, величайшего промышленного и культурного центра мира, где жил и творил гений русского народа вдохновенный Пушкин, где Чайковский создавал свои симфонии, где великий русский химик Менделеев сделал открытия, ознаменовавшие целую эпоху в науке, где великие вожди мирового пролетариата Ленин и Сталин начертали и осуществили программу борьбы за социалистическую революцию, за освобождение народов от рабства.

Как это бывало всегда в прежних битвах, «фурия», свирепствующая сейчас в странах Европы, найдет себе гибель в столкновении с русскими воинами. Усилим же наш удар по вражеским полчищам, еще больше загоримся ненавистью и обрушим на врага сокрушительный красноармейский натиск!

Мы знаем, мы твердо уверены, что на подступах к Ленин-

граду враг будет разбит. Мы отстоим свои фабрики и заводы, свои жилища, свою культуру.

Наша культура много веков назад брала в «оружии свое начало». Обрушим же наше грозное оружие на тех, кто мечтает об ее уничтожении. К борьбе с оружием в руках готовы и мы — деятели советской культуры.

Депутат Верховного Совета СССР академик *А. Байков*, лауреат Сталинской премии академик *Л. Орбели*, академик *Н. Степанов*, академик *И. Мещанинов*, лауреат Сталинской премии композитор *Д. Шостакович*, писатель *Мих. Зощенко*, заслуженный деятель искусств *С. Радлов.*

БОЕВЫМ ДРУЗЬЯМ — СТАРЫМ РАБОЧИМ И РАБОТНИЦАМ ГОРОДА ЛЕНИНА

Боевые старые друзья! Путиловцы, обуховцы, балтийцы, леснеровцы, торнтоновцы! Мы обращаемся к вам сегодня, в грозные для родного Ленинграда дни, чтобы выразить свое горячее чувство братской любви к вам — мужественным защитникам великого города Ленина, чтобы вместе с вами еще раз напомнить молодежи, как мы били врагов в труднейших, тяжелейших условиях. Наши враги не очень любят вспоминать об этом времени, они «забывают» о нем, зато наша память крепка!

Помните, дорогие друзья, как мы гнали немцев в восемнадцатом году из-под Пскова, как через год та же позорная участь постигла Юденича? С радостью шли мы, краснопресненские рабочие, защищать по призыву партии наш красный Питер. Не все из нас были вооружены даже винтовками, не все были одеты и обуты, но мы знали: враг должен быть разбит, его кровавые лапы не смеют коснуться колыбели великой пролетарской революции.

И, сражаясь бок о бок с вами, питерскими рабочими, плечом к плечу с бойцами Красной Армии, мы помогали вам бить врага, гнать его с нашей священной земли.

Двадцать лет мирного труда обогатили город Ленина, как и нашу Москву, как и другие города страны, первоклассными заводами и фабриками, украсили дворцами, широкими магистралями и парками. Двадцать лет мирного

труда создали могущественную Красную Армию, вооруженную новейшей техникой. Выросли наши сыны и внуки — молодое поколение Страны советов, сильное, ловкое, смелое, образованное.

И вот снова гнусный враг бросился, как шакал, на нашу землю, на наши города и села, неся с собой смерть и разорение. Снова он рвется к стенам великого города Ленина, где собраны огромные богатства, созданные, накопленные многолетним созидательным народным трудом.

С непередаваемым волнением читали мы обращение товарищей Ворошилова, Жданова и Попкова ко всем ленинградцам. В этом обращении выражены мысли и чувства всего советского народа, всей нашей великой родины. Это она, любимая родина-мать, зовет славных сыновей великого города Ленина встать на защиту колыбели революции, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы, выполнить священный долг советских патриотов — быть неукротимыми в борьбе с лютым и ненавистным врагом, биться с врагом, не жалея жизни, разбить и уничтожить его!

Огромная и почетная задача выпадает сейчас на наши с вами плечи, на нашу долю, долю стариков. Передать наш боевой опыт молодежи, выступить организаторами новых и новых отрядов народного ополчения, самим взять оружие в руки — наш священный долг. К этому зовут нас наши славные революционные традиции! На баррикадах Пресни и Обуховской обороны, на площадях и улицах Москвы и за Нарвской заставой, на славной Выборгской стороне в Питере мы, старое поколение русского пролетариата, бились с царскими жандармами, завоевывали власть Советов — штурмовали Зимний и Кремль в октябре 1917 года, отстаивали молодую советскую республику на полях гражданской войны. И весь этот наш боевой опыт говорит:

— Враг бежит, если ты смело идешь вперед, если ты полон презрения к смерти, если ты не знаешь никакой другой цели, кроме одной: победить!

Пусть твердо запомнит это наша молодежь, пусть она будет всегда готова к самопожертвованию ради святого дела защиты отечества.

Мы, старики, должны быть неутомимыми агитаторами, пропагандистами, организаторами противовоздушной и противохимической обороны. Мы уже немало делали и делаем здесь у себя, в красной столице, мы уверены, что и вы, наши старые боевые друзья, будете, не покладая рук, трудиться

для укрепления обороны своего родного города, будете настойчиво пополнять свои военные знания и обучать других.

Наши силы — силы великого свободного советского народа — неисчислимы. Вся страна — стар и млад — подымается вместе с вами, родные, на защиту нашего дорогого Ленинграда от фашистского хищника.

Обрубим кровавые лапы, протянувшиеся к городу Ленина! Сделаем разбойничий поход фашистов на Ленинград началом их полного разгрома! И в этом святом деле, наши старые боевые друзья, будем впереди, как молодые львы, будем драться вместе с нашими сынами и внуками.

С нами все передовое человечество. Наше дело правое. Победа будет за нами!

Старые рабочие Красной Пресни, участники боев 1905 и 1917 гг. Начальник дружины Красной Пресни 1905 г., участник гражданской войны 1917—18 гг. — *Литвин-Седой*. Начальник Шмитовской дружины Красной Пресни 1905 г., участник гражданской войны 1917 г. *М. С. Николаев*. Участник Декабрьского восстания на Пресне в 1905 г. и начальник штаба Красной гвардии Александровской железной дороги в Москве в 1917 г. на Пресне — *А. И. Самарин*. Участник Декабрьского восстания 1905 г. на Красной Пресне и участник гражданской войны 1917—1919 гг., бывший рабочий-пекарь, ныне профессор — *Г. Д. Деев-Хомяковский*. Участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. на Пресне и Октябрьской социалистической революции, ныне директор Историко-революционного музея Красной Пресни — *С. П. Симонов* и др.

ДЖАМБУЛ

ЛЕНИНГРАДЦЫ, ДЕТИ МОИ!

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.

Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну,
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рои,
Золоченых крыш острия...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чуять смрад,
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад.
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских громил,
Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колеи,
Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края.
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их ссылали в его аул.
И кандальный он слышал звон.
Пережив четырех царей,
Испытал я свирепость их.
Я хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их.
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,
Грозный ход балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!

Ваших лучших станков дары
Киров к нам привез неспроста.
Мы — родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду — Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет.
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав,
Обезумевший от потерь,
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея,
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья!
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Как владычицу меж владык,
Почитать я землю привык,
Ныне страшный в ней выжжен след,
Причинен ей огромный вред,
Беспощадно ее грызет
Окровавленный людоед.
Но последний близок расчет,
И земля — в преддверьи побед.
Вся страна идет на врага;
Поднимается весь народ.
И не сломит наших свобод
Груз фашистского сапога.
Не коснется вражья нога
Вас, наследственный наш оплот,
Ленинградские берега!
Вы громили врага и встарь,
Не одна немецкая тварь
Свой могильный нашла покров
У прославленных островов.

К вам в разгар гражданской войны
Подбирался царский холоп.
Вы его увидали в лоб,
Увидали и со спины.
Ленинград сильней и грозней,
Чем в любой из прежних годов.
Он врага отразить готов!
Не расколют его камней,
Не растопчут его садов.
К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда.
Провожают своих бойцов
Наши села и города.
Взор страны грозово-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов.
Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь
И свинец, что в срок и впопад
Песню смерти готов пропеть
Бандам, рвущимся в Ленинград.
Хлеб в тяжелом, как дробь, зерне,
Груды яблок сладких, как мед.
Со свинцом идет наравне
Наших лучших коней приплод.
Это все должно вам помочь
Душегубов откинуть прочь.
Не бывать им в нашем жилье!
Не жиреть на нашем сырье!
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Слышат пастбища Сыр-Дарьи
Вой взбесившегося зверья.
Если б ныне к земле приник,
Только ухом приник Джамбул,
Обрела бы земля язык,
И дошел бы сквозь недра гул,
Гул отечественной войны
На просторах родной страны.
Всех к отпору Жданов призвал,
От подъемных кранов призвал,
От огромных станков призвал,
От учетных столов призвал.

В бой полки Ворошилов ведет,
Вдоль холмов и долов ведет,
Невских он новоселов ведет,
Невских он старожилов ведет.
Беспечален будь, Ленинград!
Скажет Сталин — в путь! Ленинград!
Все пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои.
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Перевел с казахского М. Тарловский

Алма-Ата.

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

КЛЯТВА МОЛОДОСТИ

Создание этого дивного города, да и вообще вся жизнь его необычайны и пленительны. Всякий, кто был в нем, кто читал о нем, кто видел о нем картины, для кого он мерцает сквозь строки пушкинских стихов, — тот не забудет его никогда. Рано я узнал вкус этих строф: «Твоих оград узор чугунный...» — и уже шел по улице Гоголя, уже звенели у меня на сердце нежные струны Чайковского, уже я выходил на Невский проспект...

Великий, статный, могучий город! Чье сердце не полонил ты?

Ты, Петербург, прямо и мощно вошел в историю России. Были до тебя в России-матушке, в городах ее прехитростные закоулки, тупики и переулочки, а ты вошел и мгновенно прорубил гранитный проспект, так что стало видно все прекрасное русское поле, от края и до края, от океана до океана, стала видна вся наша чудесная и милая родина.

Петербург!

Ты всегда был хорошо сноровленный, в тебе всегда сверкала та искра молодости, которая у нас в народе зовется «подблюдной», — кому вынется, тому сбудется. И как часто ты вынимал счастливые, молодые жребии, те жребии, о которых мечтала вся Россия.

Петербург!

— Питерский! — отвечал на чей-нибудь вопрос чей-то удалой голос.

И мгновенно веселело лицо, и спрашивающий был ответчику почти на всю жизнь друг.

— О, питерский!

Он видел за этим ответом удивительные здания. Перед ним вставали соборы и памятники. Перед ним, отражаясь в Неве, дымились заводы. Перед ним горел золотой шапкой Исаакий, сверкал шпиль Адмиралтейства, острый, как мысль Пушкина; высился Зимний, и все это, обметая вечностью, сопровождал медный Петр, из-под вскинутой длани которого неслось слово: «Создано! Навсегда создано!»

Навсегда создала тебя родина, Петербург!

— Откуда ты, товарищ?

— Я? Я — ленинградский.

Это ты, Петербург, переменил свое имя и стал Ленинградом. Ты отдал наследство великого Петра тому человеку, который вывел народы России на еще более широкий проспект, чтобы они ясными глазами получше увидали родное поле и чтобы сказать им: «Оно ваше, это поле! Засевайте его!» Ты, Петербург, с гордостью и чистотой души, свойственной тебе, принял имя — Ленинград, и понес его на своих плечах в столетия, в тысячелетия, в бесконечность, пока звенит человеческое слово и пока живет земля.

Ленинград!

— И город хорош, и слава хороша!

Слава твоя бескрайна и для города, и для людей его.

Мне помнится конец 1920 года. Я впервые приехал тогда в Ленинград.

Уже снесены с баррикад столбы, железные решетки и камни. Только по очертаниям кое-как заделанной мостовой можно узнать, что здесь, на перекрестке улиц, встречали жители черного врага. Да кое-где торчат вросшие в землю толстые металлические щиты, полукруглые, — это пулеметные гнезда. На заводы возвращаются с фронтов рабочие. Рабочие возвращаются сюда отовсюду. Они побывали и на

Дону, и на Кавказе, и в снегах Сибири... Каких только рассказов не принесли они! Они становятся у станков с тем особенным питерским шиком, словно тешась трудом. В каждом из них было что-то привлекающее внимание, интересное, заманчивое, и рассказы их были, как пойма в разлив, когда вода доходит до вторых берегов реки, до кряжей.

— Война? — сказал однажды коренной путиловец. — Война, браток, это знаешь, когда поехал, а не знаешь, когда приехал.

И он улыбнулся с тем достоинством и мужеством, которые были так свойственны ему. Это он был военкомом отряда, на который множество раз бросались белогвардейцы 22 сентября 1919 года на участке Красногородского фронта возле деревни Ломоносово. Сражение длилось долго. Противник был значительно сильнее нашего отряда. И вот наш отряд дрогнул и стал отступать. Отступать? Но ведь путь отрезан? Комиссар отряда выхватил револьвер и, когда уже белые стремились навстречу с победными криками, вновь повел в атаку свой малочисленный отряд. Враг отступил.

Ленинградцы всегда понимали, что счастье народа есть единственное неколебимое основание счастья государства. И они умели защищать это счастье, умели строить его, умели отбивать врага, который стремился украсть это счастье, затоптать его в грязь, опозорить его.

Сейчас враг опять приблизился к Ленинграду!

И — Ленинград встал на врага!

Он создал стальную стену обороны. Он послал лучших своих сынов на эту стену. Это его сыны крушат автоколонны противника, его огневые точки, его танки и его солдат, что ложатся один за другим в бесславные и унылые могилы. Дочери и жены ленинградцев, не щадя жизни, под огнем выносят с поля боя раненых бойцов. Многие из них направились на фронт с санитарными дружинами и выносят с передовых позиций не только раненых, но и, как, например, дружинница Елена Иванова, боевые трофеи! А колхозница Ленинградской области Е. С. Миронова организовала партизанский отряд. В нем — 18 женщин. Они подожгли ночью штаб фашистского подразделения, закололи часовых, топорами зарубили двух офицеров, сожгли вражеский грузовик, уничтожили мотоцикл и скрылись, готовясь к другим подвигам.

Ленинград!

Славная честь великого города защищается тобой с мужеством и доблестью поразительной.

Мы слышим твой голос. Мы видим твою решимость, Ленинград!

И те слова молодежи, что прозвучали среди колонн дворца Урицкого: «Ленинграда не сдадим!» — это есть клятва молодости, это и есть сила молодости, ее настоящее и ее будущее. Не искать Ленинграду славы своей. Она уже есть.

И клятва, данная ленинградской молодежью, эта клятва смертельнее любого снаряда:

— К оружию, молодежь Ленинграда! Вперед, к победе над фашистским зверьем. Не забыты традиции наших отцов и дедов. Мы будем до последнего дыхания бороться за родину, за наш город, за нашу молодость, за наше счастье, нашу свободу. Славный наш город, гордость нашу защитим!

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ГОРОДУ-ГЕРОЮ

Твой зоркий страж пробил тревогу:
Враг рвется к твоему порогу,
Но, пролетарский исполин,
Мы все с тобой, ты не один,—
С тобой, фашистов отбивая,
Вся наша сила боевая, —
С тобой Москва, все города
И все советские народы.
Пусть будет мощь твоя тверда,
И пусть фашистские уроды
Увидят, пятяся назад,
Как вся страна — и стар, и млад —
Встает грозой за Ленинград,
За колыбель своей свободы!
Ты грозен для врагов, как рок:
Они иль гибнут, иль сдаются,
И о гранитный твой порог
Фашисты тоже разобьются!
Мы все с тобой даем обет:
Отбить фашистскую осаду

Да так, чтоб весь увидел свет,
Что, легких чаявший побед,
Враг получил свою награду,
Что на подходах
к Ленинграду
Он надломил себе хребет!

НИКОЛАЙ БРАУН

К ОРУЖЬЮ, БРАТЬЯ!

Стремясь к твердыням Ленинграда,
Враг мечется, осатанев,
Сомнет, сотрет, раздавит гада,
Испепелит народный гнев.

Здесь каждый угол, каждый камень
И ощетинившийся дом
Готовы говорить с врагами
Оружья грозным языком.

Здесь мы росли и здесь мужали
И в битвах зрелость обрели,
Здесь песни юности певали
И здесь в грядущее вошли.

Здесь нашей славы взвилось знамя,
А ныне в грозный этот час
Великий Сталин рядом с нами,
Он — в сердце каждого из нас.

К оружью, братья боевые!
За нами — битвы прошлых лет, —
Мы все отныне рядовые
Великой армии побед.

Р. КОВНАТОР

ЛЕНИНГРАД—КОЛЫБЕЛЬ ОКТЯБРЯ

Фашистско-германские орды, жестокие и низкие убийцы и насильники, посягают на великий город Ленина, на бессмертный город нашей национальной и человеческой славы.

Но никогда не ступала и не ступит нога чужеземного завоевателя на священную землю города, который был колыбелью Октябрьской Революции!

Каждая улица, каждый камень здесь рассказывают о славной истории русского революционного движения, о жизни и деятельности Ленина.

Творчество и дружба двух величайших гениев мировой истории — Ленина и Сталина — неразрывны с этим городом.

В 1917 году буржуазные выродки в своем смертельном страхе перед народом готовы были сдать Петроград немцам, лишь бы подавить революцию. Они травили нашего великого вождя и хотели расправиться с ним. В эти дни только могучая энергия товарища Сталина спасла жизнь Ленина для всего человечества. Ленин скрывался на Песках, в скромной квартире старого рабочего-большевика Аллилуева. Это было трудное время: буржуазия проводила свой дьявольский план удушения революции костлявой рукой голода... С братской нежностью заботился о Ленине товарищ Сталин.

В неприступной твердыне петроградского пролетариата — на Выборгской стороне — скрывался Ленин в последнем своем изгнании перед Октябрем.

Торжественно и величественно красуется Смольный. Никогда человечество не забудет голос, раздавшийся под его гулкими сводами и возвестивший начало новой эры для угнетенных всего мира.

С самого начала своей революционной деятельности Ленин был тесно связан с рабочими Петрограда. В молодые годы он часто ходил за Невскую заставу, на Васильевский остров, на Шлиссельбургский тракт, на Охту — на собрания рабочих кружков. В дешевом пальто, с поднятым воротником, быстрой своей походкой проходил молодой Ленин по пыльным, немощеным улицам. Ленин особенно любил петербургских рабочих. Здесь, в этих жалких рабочих каморках, он собирал ядро, первые кадры пролетарской партии.

Судьбы революции, освобождение России от ига самодержавия связывал Ленин прежде всего с борьбой «геройского петербургского пролетариата».

В 1894 году Ленин пишет свою гениальную работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», являющуюся первым программным документом большевизма. «...Русский ***рабочий***, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет ***русский пролетариат*** (рядом с пролетариатом ***всех стран***) *прямой дорогой открытой политической борьбы* ***к победоносной коммунистической революции***» — этими пророческими словами кончалась книга.

Ленин жил в это время по Б. Казачьему переулку в д. 7/4, в маленькой комнате. Узкая кровать, грубый стол с керосиновой лампой, простой стул — вот и все ее убранство. И тогда и до конца своей жизни Ленин жил как подлинный труженик, ничем не отличаясь в условиях своей жизни от рабочего человека.

В Петербурге Ленин основал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», явившийся «первым зачатком» будущей партии рабочего класса.

Петербургский пролетариат стоял во главе революционного движения, направленного на свержение царского самодержавия в России, этого международного жандарма.

«Низвержение царизма в России, — писал Ленин, — геройски начатое нашим рабочим классом, будет поворотным пунктом в истории всех стран, облегчением дела всех рабочих всех наций, во всех государствах, во всех концах земного шара... У всех перед глазами стоит теперь пример героев-пролетариев Петербурга».

★

1917 год навсегда превратил Петроград в величайшую святыню для трудящихся всего мира. Здесь была открыта страница подлинной истории человечества.

Из своей последней, самой тяжелой, Туруханской ссылки товарищ Сталин вернулся в марте в Петроград. В апреле вернулся из изгнания Ленин, приветствуемый ликующей толпой рабочих, солдат, матросов. В первой же своей речи на вокзальной площади он приветствовал революционный пролетариат Петрограда и закончил ее бессмертным лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция во всем мире!».

Ленин был теснейшим образом связан с рабочими, крестьянами и солдатами. Миллионы людей беззаветно шли за ним, ибо ему верили, его любили.

Один старый петербургский рабочий рассказывает: «Везде всегда спешили увидеть Ленина. И не только на фабрике; будь это у плиты или у печки, пьет ли кто чай или обедает, — все бросают и бегут».

Когда Ленин в мае 1917 года приехал на Путиловский завод, то, — вспоминает старый рабочий Афиногенов, — «все настолько притихли, что слышно было чириканье воробьев».

На Обуховском заводе желающих услышать Ленина было так много, что люди в переполненной мастерской разместились, где могли: кто забрался на кран, кто на доски, кто на балки, и то всем места нехватило.

В 1917 году Ленин приехал на митинг на Галерный остров. Он говорил, что необходимы средства, чтобы усилить большевистское печатное слово, и неожиданно со всех концов к трибуне стали передаваться из рук в руки в президиум обручальные кольца, серьги, серебряные портсигары, деньги и даже георгиевские кресты с лентами. Люди плакали от восторга.

Петрограду, петроградским рабочим придавал Ленин решающее значение в победе революции. Призывая к организации восстания, Ленин писал 8 октября 1917 года: «Промедление смерти подобно... Под *Питером* и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее».

И питерские рабочие не обманули доверия и надежд своего великого вождя.

5 ноября 1919 года, приветствуя петроградских рабочих

по случаю 2-й годовщины Октябрьской Революции, Ленин писал: «Как авангард революционных рабочих и солдат, как авангард трудящихся масс России и всего мира, петроградские рабочие первые свергли власть буржуазии и подняли знамя пролетарской революции против капитализма и империализма».

С трибуны Смольного прочитал Ленин декреты о мире и земле, ознаменовавшие начало нового, советского века.

Петроградские рабочие подавили заговор юнкеров в городе, они раздавили восстание Керенского. Ленин и Сталин руководили всеми операциями.

В дождливую темную октябрьскую ночь Ленин приехал на Путиловский завод и смотрел, как идет подготовка бронепоезда для фронта.

Промерзший от долгой езды в открытой машине, в легком осеннем пальто, в небрежно одетой кепке, Ленин стоял в толпе рабочих; весело блестели его живые глаза, когда он забрасывал рабочих вопросами о том, сколько отправили отрядов на фронт, каково настроение на заводе.

Ленин был голоден и с удовольствием воспользовался угощением путиловцев: картошкой, хлебом, выпил стакан чаю.

Гениальный мыслитель, полководец победоносной социалистической революции — Ленин внимательнейшим образом присматривался и изучал опыт новой жизни, складывающейся в народных низах, в среде петроградских рабочих.

Вскоре после победы Октября, на III съезде советов, в Таврическом дворце (ныне дворец Урицкого), Владимир Ильич сказал: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления».

Ленин принимал десятки и сотни рабочих и солдатских делегаций, тысячи крестьянских ходоков и в каждой беседе находил новое в творчестве масс. Однажды в Выборгском районе был устроен «суд» над сторожем, который

бил своего сына-подростка, эксплоатировал его, не пускал учиться.

Владимир Ильич очень заинтересовался этим «судом» и выспрашивал у Н. К. Крупской все его детали, усматривая в этом суде новые формы общественной инициативы.

Ленинградцы хорошо знают предельно скромные комнатки в Смольном, в которых жил после победы Октября великий вождь пролетариата. Ленин знал лишения, неудобства, испытывал холод и голод, как каждый борец...

Вот что пишет Надежда Константиновна.

«Я целыми днями была на работе, сначала в Выборгском районе, потом в Наркомпросе. Ильич был порядочно-таки беспризорный... Регулярной заботы о его питании не было. Недавно мне рассказывал один парень, Коротков, ему тогда было лет 12, он жил у матери, которая была уборщицей при столовой в Смольном. Слышит она раз, кто-то ходит по столовой. Заглянула — видит Ильич стоит у стола, взял кусок черного хлеба и кусок селедки и ест. Увидя уборщицу, он смутился немного и, улыбаясь, сказал: «Очень чего-то есть захотелось».

Шла гигантская созидательная работа.

В тесном содружестве Ленин и Сталин закладывали основы Советского государства.

В тесном содружестве Ленин и Сталин написали «Декларацию прав народов России», «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», декрет о роспуске Учредительного Собрания и многие другие исторические документы революции, которые останутся жить в веках.

Так наступил великий, новый, первый советский 1918 год. Ленин встретил его среди рабочих и коммунистов Выборгского района, которые в этот вечер провожали красногвардейцев на фронт.

Встреча нового года была организована в большом помещении Михайловского юнкерского училища. Дворники были упразднены, никто улиц не расчищал, и нужно было проявить большое искусство, чтобы пробраться через наваленные горы снега.

Владимир Ильич был радостно встречен рабочими. «...Аудитория зажгла его,— пишет Надежда Константиновна, — и хоть говорил он просто, без громких фраз и восклицаний, но излагал он то, о чем он так неустанно думал последнее время, говорил о том, как должны рабочие по-новому

организовать через Советы всю свою жизнь. Говорил и о том, как должны товарищи, едущие на фронт, вести там работу среди солдат. Когда Ильич кончил, ему устроили целую овацию. Четверо рабочих взялись за ножки стула, на котором сидел Ильич, подняли его на стуле и стали качать».

Потом в зале началось концертное отделение.

Многолюдно, шумно, весело был встречен Новый год революционным народом.

В театрах толпились рабочие, а в Народном доме на Петроградской стороне, где Шаляпин пел в «Севильском цирюльнике», негде было яблоку упасть. Рабочие, их приодевшиеся жены, красногвардейцы и солдаты, затаив дыхание, следили за проделками Дон-Базилио.

И было странно,
Что люди чтят переполох,
Такой смешной, почти домашний,
А за стеной — борьба эпох! [1]

Ленин указывал, что спасение революции только в создании собственной армии. В связи с демобилизацией старой армии и общим развалом фронта, именно в Петрограде, в конце 1917 года была начата организация первых добровольческих частей революционной армии.

Ленин лично проводил первые эшелоны добровольцев, уходивших на фронт 14 января 1918 года.

Проводы состоялись в Михайловском манеже. Здесь было холодно и темно, одинокие маленькие лампочки еле-еле освещали большое полупустынное помещение. Но лица собравшихся горели отвагой и радостью, и решимостью отзывались их сердца на слова Ленина.

Ленин говорил:

«Приветствую в вашем лице тех первых героев-добровольцев социалистической армии, которые создадут сильную революционную армию. И эта армия призывается оберегать завоевания революции, нашу народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно-демократический строй от всех врагов народа, которые ныне употребляют все средства, чтобы погубить революцию».

В этот холодный январский вечер Ленин дал программу строительства Красной Армии рабочих и крестьян.

---

[1] Ник. Тихонов.

В феврале 1918 года полчища войск немецкого кайзера Вильгельма II ринулись на Советскую Республику. Ленин обратился с воззванием: «Социалистическое отечество в опасности».

«...Германский милитаризм, — писал он, — хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы—банкирам, власть — монархии. Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и в Киеве».

Ленин призывал «защищать каждую позицию до последней капли крови».

По зову Ленина начали стекаться отряды бойцов, готовых скорее умереть, нежели отдаться в постыдное рабство немецким захватчикам. Наряду с полками (6-й Туккумский, 1-й Красноармейский, 2-й пулеметный, 3-й запасный пехотный полк, эскадрон 9-го запасного кавалерийского полка и др.) здесь были отряды славных воинов с петроградских заводов: неустрашимые красногвардейцы с Путиловского, с завода Розенкранца, Речкина. На заводе «Вулкан» был организован отряд в 500 человек, рабочие Сестрорецкого завода выставил 600 человек, на Балтийском заводе была объявлена мобилизация всех рабочих до 50 лет.

Командующий отрядами Псковского авангарда отмечал в своем приказе: «В исключительно короткий срок сформировался и организовался отряд, небольшой по числу штыков, но сильный духом и сознательной решимостью бойцов, и смело стал на пути германских полчищ».

Отпор, встреченный немцами, был для них неожиданен. Тот же приказ констатирует: «Первые же удачные для нас столкновения с неприятельскими передовыми частями у сел Черняковицы и Яхнова показали немцам, что кончилось их триумфальное шествие и в дальнейшем каждый шаг им придется продвигаться с боем, каждую версту завоевывать кровью».

Под Псковом и Нарвой 23 февраля 1918 года красноармейские отряды героически дрались с вооруженными до зубов оккупантами.

Так внушительна была сила петроградских рабочих, готовых умереть, но не допустить ни одного немецкого солдата в свой великий город, что германские генералы не решились двинуться на столицу Революции!

День 23 февраля 1918 года стал днем рождения молодой Красной Армии. И уже на III Всероссийском съезде советов Ленин мог сказать, что «...старая армия, армия ка-

зарменной муштровки, пытки над солдатами — отошла в прошлое. Она отдана на слом, и от нее не осталось камня на камне». В своем докладе Владимир Ильич привел известный рассказ, услышанный им и лучше всего выражающий дух новой армии.

«Я позволю себе рассказать один происшедший со мной случай. Дело было в вагоне Финляндской железной дороги, где мне пришлось слышать разговор между несколькими финнами и одной старушкой. Я не мог принимать участия в разговоре, так как не знал финского языка, но ко мне обратился один финн и сказал: «Знаете, какую оригинальную вещь сказала эта старуха? Она сказала: теперь не надо бояться человека с ружьем. Когда я была в лесу, мне встретился человек с ружьем, и вместо того, чтобы отнять от меня мой хворост, он еще прибавил мне». «Мы знаем, — продолжал Ленин, — что в народных массах поднимается теперь другой голос; они говорят себе: теперь не надо бояться человека с ружьем, потому что он защищает трудящихся и будет беспощаден в подавлении господства эксплуататоров. Вот что народ почувствовал, и вот почему та агитация, которую ведут простые, необразованные люди, когда они рассказывают о том, что красногвардейцы направляют всю мощь против эксплуататоров, — эта агитация непобедима. Она обойдет миллионы и десятки миллионов...»

Ленин говорил об организации Красной Армии, о ее обучении, о создании собственных командных кадров. «И когда начатая нами работа будет окончена, Российская советская республика будет непобедима».

Эти слова Ленина были вещими. Красная Армия, армия Страны советов, оказалась самой могучей, лучшей армией мира. О ее неприступные твердыни разбилась интервенция 1918—1920 годов. Красная Армия сейчас наносит сокрушающие удары гитлеровским бандам, угрожающим жизни и свободе всего человечества.

Молодой Красной Армии пришлось выдержать ожесточенные битвы, и ее вели в бой гениальные полководцы — Ленин и Сталин.

Ища опоры в титанической, неравной борьбе с разрухой, с белогвардейцами и оккупантами, Ленин обращался к петроградским рабочим: «...спасти революцию можете *только вы;* больше некому».

В 1918 году Ленин призвал петроградских рабочих в «крестовый поход» против кулаков — за хлеб, который стал главной, насущной задачей дня.

Ленин писал: «...я позволяю себе обратиться с письмом к вам, товарищи, питерские рабочие. Питер — не Россия. Питерские рабочие — малая часть рабочих России. Но они — один из лучших, передовых, наиболее сознательных, наиболее революционных, наиболее твердых, наименее податливых на пустую фразу, на бесхарактерное отчаяние, на запугивание буржуазией отрядов рабочего класса и всех трудящихся России». И питерские рабочие, верные зову Ленина, спасли тогда от голодной смерти не одну тысячу женщин, детей, больных в голодном, разоренном городе. Питерские рабочие сотнями и тысячами пошли в продовольственные отряды, и в борьбе со спекулянтами и мародерами они являли образец пролетарской дисциплины и сознательности.

И в каждый тяжелый момент революции Ленин неизменно обращался за помощью к рабочим Петрограда.

Хвастливый адмирал Колчак дал клятву въехать в Москву, для чего приготовил уже новый китель и белые перчатки.

Ленин писал: «Мы просим питерских рабочих *поставить на ноги все, мобилизовать все силы* на помощь Восточному фронту».

«Я уверен, товарищи, что питерские рабочие покажут пример всей России».

Белая контрреволюция была уверена в своей победе. Ее верный лакей В. Л. Бурцев, охотно выбалтывающий господские тайны, писал в парижской газете «Matin»:

«Время колебаний прошло. Перед нами Колчак или Ленин. В настоящую минуту, при существующих политических условиях, наша программа действия определяется одним словом — Колчак».

Но мощным натиском красных войск, поддержанных рабочими всей России, Колчак был отброшен, ворота в Сибирь были настежь открыты. И там утвердилась советская власть.

В 1919 году быстрое продвижение Деникина создало реальную угрозу Москве.

Стратегический гений Сталина разработал план разгрома Деникина, который был лично утвержден Лениным. Для разгрома Деникина, по призыву партии, петроградские рабочие массами отправились на Южный фронт.

Ленин писал в статье «Пример петроградских рабочих»:

«В Петрограде рабочим давно уже приходится нести на себе еще больше тягот, чем рабочим в других промышленных центрах. И голод, и военная опасность, и вытягивание

лучших рабочих на советские должности по всей России — от всего этого питерский пролетариат страдал больше, чем пролетариат других мест.

И все же мы видим, что ни малейшего уныния, ни малейшего упадка сил среди питерских рабочих нет. Наоборот. Они закалены. Они нашли новые силы. Они выдвигают свежих борцов. Они превосходно выполняют задачу передового отряда, посылая помощь и поддержку туда, где она более всего требуется».

Мобилизация коммунистов и рабочих на фронт шла столь успешно, что Ленин прислал петроградским большевикам телеграмму:

«Горячо приветствую всех питерских рабочих за энергичную работу. Уверен, что доведете мобилизацию до максимальных размеров».

Осень 1919 года ознаменовалась непосредственной военной угрозой самому Петрограду.

Опасность интервенции нависла над Петроградом еще весной 1919 года. Для организации обороны Петрограда ЦК партии направил товарища Сталина. Его несокрушимая воля и талант полководца в течение нескольких недель круто изменили положение. Сталин действовал в полном согласии с директивами Ленина. Еще 22 мая ЦК партии постановил: «Красный Петроград находится под серьезной угрозой. Петроградский фронт становится одним из самых важных фронтов республики. Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало. Слишком велико значение того города, который первый поднял знамя восстания против буржуазии и первый одержал решающую победу».

Из-за измены кучки бывших офицеров на фортах «Красная горка» и «Серая лошадь» врагу удалось подойти близко к Петрограду.

Железной рукой устанавливает товарищ Сталин революционный порядок. Военный гений Сталина во всем блеске раскрывается в операциях по защите Петрограда. Сталин телеграфирует Ленину:

«Вслед за «Красной горкой» ликвидирована «Серая лошадь», орудия на них в полном порядке, идет быстрая... (неразборчиво)... всех фортов и крепостей. Морские специалисты уверяют, что взятие «Красной горки» с моря опрокидывает всю морскую науку. Мне остается лишь оплакивать так называемую науку. Быстрое взятие «Горки» объясняется самым грубым вмешательством со стороны моей

и вообще штатских в оперативные дела, доходившим до отмены приказов по морю и суше и навязывания своих собственных. Считаю своим долгом заявить, что я и впредь буду действовать таким образом, несмотря на все мое благоговение перед наукой. Сталин».

Через шесть дней Сталин писал Ленину:

«Перелом в наших частях начался. За неделю не было у нас ни одного случая частичных или групповых перебежек. Дезертиры возвращаются тысячами. Перебежки из лагеря противника в наш лагерь участились. За неделю к нам перебежало человек 400, большинство с оружием. Вчера днем началось наше наступление. Хотя обещанное подкрепление еще не получено, стоять дальше на той же линии, на которой мы остановились, нельзя было — слишком близко до Питера. Пока что наступление идет успешно, белые бегут, нами сегодня занята линия Керново — Воронино — Слепино — Касково. Взяты нами пленные, 2 или больше орудий, автоматы, патроны. Неприятельские суда не появляются, видимо боятся «Красной горки», которая теперь вполне наша. Срочно вышлите 2 миллиона патронов в мое распоряжение для 6 дивизии...»

Эти две телеграммы, как справедливо указывает К. Е. Ворошилов, «дают полное представление о той громадной творческой работе, которую проделал товарищ Сталин, ликвидируя опаснейшее положение, создавшееся под Красным Питером».

Петроградские рабочие, петроградские коммунисты самоотверженно поддерживают все распоряжения товарища Сталина. В «геройской спокойной могиле» на Марсовом поле «в земле родной легко лежат» герои этой первой обороны Петрограда.

Весна. Цветы. Леса омыты светом,
До нежности ли, вёсны ни при чем, —
В последний бой, как в огненное лето,
Наган сжимая, входит Толмачев.

Из смерти в смерть, о жизни не жалея,
Водили вы непобедимый строй,
Здесь Купше спит, Таврин лежит, Сергеев,
И — Раков здесь, моих стихов герой.

И Лихтенштадт, и храбрый Солодухин,
И сколько рядом — всех не перечесть...
Недаром — нет! — несли вы через муки
Свободы честь и славной смерти честь [1].

---

[1] Ник. Тихонов.

И когда банды Юденича осенью 1919 года подошли к Петрограду, как один человек поднялись петроградские рабочие, мужчины и женщины героического народа. На этот раз фронт улегся у самых стен города, ибо разбитые полки Красной Армии отступили к Пулковским высотам — последней тактической позиции перед Петроградом.

Международные палачи делили шкуру не убитого еще медведя. Безработные генералы и офицеры со всех концов слетались к Юденичу, предлагая ему свои услуги в деле расправы с революционным Петроградом.

Немецкие газеты «Берлинер Локал-Анцейгер» и «Фоссише Цейтунг», предсказывая падение Петрограда, писали, что вслед за тем наступит черед и Москвы.

Так незадачливые предки нынешних «горе-завоевателей» попали пальцем в небо!

Гитлеровские генералы, как известно, тоже щедры на обещания, но им и их бандам никогда не топтать землю Ленинграда и Москвы!

17 октября Ленин обратился с пламенным призывом к рабочим и красноармейцам Петрограда.

«Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами!»

И как море в час прибоя, поднялся рабочий Петроград.

«На бой, коммунисты! Задушите гадину! Красного Петрограда бандитам не видать! Рабочие Питера! Все под ружье!» — под этими лозунгами партии шла поголовная мобилизация коммунистов на фронт, на всевозможные оборонные работы. За спиной армии вырос сплошной пояс окопов, артиллерийских позиций и проволочных заграждений. Как в каждом начинании, путиловские пролетарии и в этом деле были первые. Днем работали, а ночью рыли окопы. Хлеба почти не было. Но у Путиловского завода была столовая. Правда, в этой столовой в то время ничего, кроме пшенной каши, нельзя было получить. Но защитники Петрограда удовлетворялись и этим. Перед рытьем окопов устанавливалась очередь с тарелочками за горячей кашей.

Из питерских рабочих и работниц были сформированы заградительные отряды. Бронепоезда, броневики и автомобильный транспорт тоже обслуживались командами из рабо-

чих. Десятки тысяч питерских рабочих и работниц участвовали в обысках по вылавливанию белогвардейских заговорщиков и врагов народа.

Военные заводы развили небывалую производительность. На Путиловском заводе интенсивность труда повысилась в три раза. Мастера и рабочие целыми сутками не покидали цехов. Так же работали и обуховцы, арсенальцы, балтийцы. Рабочие Ижорского завода, несмотря на то, что белые вплотную приблизились к его стенам, ни на миг не приостанавливали работы.

Поднялись могучие отряды балтийских моряков. Призывая всех к борьбе, балтийские моряки писали:

«...в грозный час, двенадцатый час революции, красные моряки-балтийцы стальными рядами пошли на боевые линии фронта». «Братишки, не отставай!» — таков был боевой пароль неустрашимой «матросской братвы».

Во весь рост со штыками наперевес шли курсаитские роты в атаку против танков. Они шли в бой с пением «Интернационала».

«Эх, держись, белые! — все едино вам уж не царствовать, за нас сама жизнь», — так писали курсанты о своих настроениях перед боем.

Героический петроградский комсомол объявил поголовную мобилизацию своих членов, достигших 16-летнего возраста. Объявление: «Райком закрыт по случаю ухода на фронт» было обычным для тех дней. Лозунг комсомола «Иду на бой» стал боевым призывом для десятков тысяч юношей и девушек.

В борьбе с белыми погиб молодой путиловец, один из первых организаторов Петроградского комсомола — Вася Алексеев.

Как подлинные героини вели себя петроградские женщины, матери, жены и сестры петроградских рабочих. Они работали на фабриках и заводах; в ветер и стужу они долбили мерзлую землю и рыли окопы, окровавленными пальцами они оплетали колючей проволокой улицы и дома. Бумагой, стружками, разным хламом, потому что не было топлива, они отогревали холодные жилища, лишая себя последней крошки, они кормили детей и мужей! Отважные, героические наши сестры! А сколько их погибло от пули врага! Кто забудет старую петроградскую большевичку с завода Айваз товарища Эмилию, которой только революция вернула свободу! Защищая Петроград от банд Юденича, погибла товарищ Мьягги с завода Эриксон; всю себя отдала делу ухода

за ранеными товарищ Васильева с ниточной фабрики Чешера Выборгского района.

О том, как жилось тогда красноармейцам, выразительно рассказывает в своих воспоминаниях товарищ Никаноров с завода Ильича: «Питались мороженым хлебом. Были случаи, что хлеб пилой пилили. Сверху как будто он оттаял около печки, а когда начинаешь кусать, зубы в хлеб залезут и не могут вылезти. Но несмотря на это, настроение было хорошее».

Банды Юденича, так же как и нынешние бандитские вояки Гитлера, назначали даже точный день взятия Петрограда. 21 октября белые офицеры думали гулять по Невскому проспекту, а генерал Юденич — принимать парад войск на Марсовом поле!

Но 21 октября белобандиты были дальше от своих мечтаний, чем когда бы то ни было.

Петроград был превращен в военный лагерь. Петроградские большевики, мужественные петроградские пролетарии знали только один лозунг — «Вперед!».

Вначале на стороне белых войск был не только перевес сил, но и преимущество техники. Впервые на петроградском фронте белые пустили в ход танки. Героическими усилиями путиловских пролетариев в полуразрушенных цехах, где от холода замерзали руки и застывало само дыхание, были собраны первые советские — народные — танки! И уже 22 октября красные войска с неописуемым восторгом приветствовали появление на фронте своего первого танка.

Красная Армия защищала молодую республику Советов с героическим упорством и самозабвенной стойкостью. Молодые рабочие и крестьяне — плохо вооруженные, плохо одетые и обутые — выступали, как подлинные рыцари, защищающие целость и независимость родной страны, прекрасное будущее своего социалистического отечества.

Великая идея социализма покоряла и лучших людей буржуазной интеллигенции и старой армии. На стороне красных сражался и геройски погиб генерал-майор царской армии Николаев.

Захваченный белыми, он был приговорен к смертной казни «за измену царствующему дому». На эшафоте после прочтения приговора старый генерал сказал своим убийцам: «Я теряю чины, ордена, вы отнимаете у меня жизнь, вы отняли все, но не отнимете веру в грядущее счастье людей».

Когда город был отбит у белых наемников, тело благородного генерала перевезли в Петроград. Питерские пролетарии хоронили его с воинскими почестями, как полагается герою, павшему за дело революции. Самый большой, самый торжественный венок был от военных организаций. «Другу народа» было написано на красной ленте. Это была та награда, за которую не жалко отдать жизнь.

В боях выковывалась мощь Красной Армии, но и в самых тяжелых условиях не прекращалось культурное строительство в ее рядах.

Под Петроградом шли бои, а в городе происходила конференция, посвященная «Итогам культурно-просветительной работы в Красной Армии Петроградского военного округа».

Краткий перечень вопросов, обсуждавшихся на конференции, волнует нас как подлинный, неповторимый документ эпохи. Вот он:

1) О ликвидации неграмотности.

2) Каковы должны быть лекции.

3) Резолюция к докладу «Культура тела».

4) Инструкция о театральных кружках в частях Красной Армии.

5) Чем должен быть красноармейский клуб.

6) Проект присуждения и выдачи красноармейцам поощрительных премий за сочиненные ими пьесы.

7) Характер музыки.

8) Условия и способы развития самодеятельности среди красноармейцев и подготовка кадров новых работников.

На фронте дела неуклонно шли на подъем. Было взято Красное Село, затем — Луга.

«Доблестные защитники Петрограда, вперед на Гатчину, Ямбург и Гдов»! — под таким лозунгом продолжалась борьба.

Вторую годовщину Великой Октябрьской революции рабочие, трудящиеся встретили под лозунгами: «Петроград навсегда останется красным Петроградом!», «Петроград стал нам еще дороже. Каждый его камень будем защищать до последней капли крови!», «Ни один коммунист не вернется с фронта, пока Ямбург и Гдов не будут очищены от белых банд».

Первое слово привета ко 2-й годовщине революции Ленин прислал рабочим Петрограда, отважным защитникам колыбели Октября. Победа уже витала над великим городом! 7 ноября пал Гдов.

«Гдов взят! — сообщила бойцам листовка 7-й армии. — Юденич выбивается из сил! Северо-западная армия при последнем издыхании. Бойцы 7-й армии! Ваша задача не дать уйти врагу. Гоните белых. Идите по их пятам. Преследуйте, ловите, добивайте дрогнувшего врага. Не дайте Юденичу ускользнуть из мешка. Конец Юденича близок. Вперед!»

Это известие явилось лучшим подарком петроградскому пролетариату ко второй годовщине Октября.

Сурово, но торжественно проходило празднование второй годовщины, и она ознаменовалась необычайным, по тем временам, пиршеством!

Отдел общественного питания объявил к октябрьским торжествам для всех детей во всех столовых обед из трех блюд. Первое блюдо — щи с мясом, второе — каша и третье — сладкий компот или яблоки, кроме того, чай с кондитерскими изделиями. Для взрослых — обеды из двух блюд с хлебом!

За два года советской власти на красный Петроград покушались Керенский, Корнилов, немцы, белоэстонцы и белофинны, Юденич, эсеры, меньшевики, а вечный город жил и гордо высился неприступной крепостью для врагов. Банды Юденича были разбиты наголову, остатки их бежали за границу. Но уже новый враг стучался у ворот.

«Все на топливный фронт! Ямбург взят. Враг на фронте сломлен. Победим и нового врага — холод!» — под такими аншлагами вышли петроградские газеты 15 ноября 1919 г.

Постановлением VII Всероссийского съезда советов Петроград был награжден красным знаменем и орденом Красного Знамени.

При вручении знамени петроградским рабочим товарищ Калинин сказал: «...петербургский пролетариат в прошлом и настоящем показал всему миру свою способность к революционной борьбе».

За выдающиеся заслуги по обороне Петрограда товарищ Сталин был награжден высшей боевой тогда наградой — орденом Красного Знамени.

21 января 1924 года навсегда останется самым мрачным, скорбным днем для человечества. Умер Ленин. Товарищ Сталин дал священную клятву беречь его дело, укре-

плять Республику социализма, международное единство и интернациональную солидарность.

И с трибуны II съезда советов Союза ССР, на которой раздались эти слова, нашедшие отклик в сердцах трудящихся всего земного шара, — с этой же трибуны прозвучал рассказ о том, как относился Ленин к питерским рабочим.

Н. К. Крупская сказала на траурном заседании:

«Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным». В 90-е годы «он пошел в Петроградские рабочие кружки». Работа среди питерских рабочих, разговоры с ними дали Владимиру Ильичу новые доказательства справедливости гениального утверждения Маркса, что рабочий класс является передовым отрядом всех трудящихся, что за ним идут трудящиеся массы, все угнетенные, что в этом его сила и залог его победы. «Это понял Владимир Ильич, когда он работал среди питерских рабочих».

Так, в эти незабываемые минуты мы еще раз узнали о великой любви и дружбе, которые всю жизнь связывали Владимира Ильича с петербургскими рабочими.

Чувство безмерного горя и невозвратимой утраты овладело питерским пролетариатом, когда дошла до Петрограда весть о смерти Ленина.

Несмотря на сильнейшую метель, улицы, до тех пор почти пустые, стали заполняться народом. На фабриках и заводах начались собрания.

С обнаженными головами, стоя, слушали путиловцы горестную весть о смерти Владимира Ильича.

«Ленин жив. Ленин с нами. Он будет руководить нашей борьбой до конечной победы. Да здравствует достойная наследница великого вождя — Российская коммунистическая партия!» — это резолюция рабочих Выборгского района.

«Красный Выборжец» произносит клятву.

«Клянемся всегда следовать его примеру, неустанно служить интересам рабочего класса и зовем не жалеть себя для блага трудящихся. Мы призываем рабочий класс теснее сплотить свои ряды с коммунистической партией».

«Клянемся твердо выполнить заветы, которые ты давал нам», — таково единодушное решение питерских пролетариев. В Петрограде, наряду с Москвой, стихийно в ответ на смерть Ленина, как народное движение, возникло стремление рабочих в партию — знаменитый ленинский призыв.

Единодушно было требование рабочих петроградских фабрик и заводов о присвоении их городу имени Ленина. И II съезд советов счел справедливым это желание.

Второй съезд советов постановил переименовать город Петроград в Ленинград.

«Пусть отныне этот крупнейший центр пролетарской революции будет связан с именем величайшего из вождей пролетариата Владимира Ильича Ленина».

В тот час, когда в Москве на Красной площади хоронили то, что было смертного в Ленине, и миллионная толпа в 30-градусный мороз, с обнаженными головами пела «Вы жертвою пали», а печальная симфония паровозных свистков и заводских гудков раздалась по всей великой стране, в Ленинграде, на Марсовом поле загорелся необычайный костер.

54 костра, по числу прожитых Владимиром Ильичем лет, подняли языки своего пламени... Этим необычайным и великолепным салютом простился петроградский пролетариат с прахом своего гениального учителя и друга.

За бурные годы сталинских пятилеток новая, прекрасная жизнь расцвела в Ленинграде.

Ленинградские пролетарии были зачинщиками подъема социалистического труда.

На «Красном Выборжце» в Ленинграде была создана первая ударная бригада. Отбойным молотком, сделанным на ленинградском заводе «Пневматика», Алексей Стаханов поставил свой первый рекорд.

Первый трактор, первый легковой автомобиль, первый блюминг, первая турбина выпущены Ленинградом. Первое производство синтетического каучука и алюминия принадлежит Ленинграду.

Ленинград — кузница социалистической промышленности и культурного строительства.

С. М. Киров был прав, когда с трибуны XVII съезда в своей вдохновенной речи сказал, что «...В Ленинграде остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым».

И такой город думают завоевать подлые и жестокие немецко-фашистские полчища.

Упорная и героическая оборона Ленинграда, на подступах к которому враг уже понес неисчислимые людские

и материальные потери, показывает, что кровавая карта врага будет бита!

Красная Армия, весь народ Ленинграда с львиной отвагой защищают свой великий город, каждую пядь родной, священной земли.

Оборона Ленинграда от фашистских людоедов навеки останется одной из самых прекрасных и величественных страниц в истории освобождения человечества от ужасов коричневой чумы.

Оборона Ленинграда показала всему миру не только хозяйственную силу Советского Союза и военную мощь Красной Армии, но и величайшее морально-политическое единство советских народов и новый героический облик советского человека.

Победить или умереть! — таков закон не только советского воина, но и каждого жителя города Ленина.

Весь мир слышал голос старого заслуженного академика А. А. Байкова:

«Я старый металлург. Я привык думать, что нет ничего на свете крепче стали... Я ошибся. Есть, оказывается, материал, который еще крепче стали. Этот благородный материал — советские люди. Когда фронтом стал Ленинград, я увидел, что нет предела мужеству советских людей, нет конца их стойкости, нет границ их героизму». Это говорит русский ученый от имени всей русской интеллигенции, кровно связанной с делом народа, чьи труды и подвиги запечатлены в истории великого города.

Как и в битвах 1919 года, до последней капли крови защищают город Ленина рабочие.

От имени многотысячного коллектива Путиловского — ныне Кировского — завода старейшие рабочие заявили: «Нет в мире такой силы, которая заставила бы нас, путиловцев-кировцев, заколебаться. Мы плавим сталь, и мы тверды, как сталь. Мы, кировцы, смело смотрим в лицо смертельной опасности, и скорее смерть испугается нас, чем мы ее».

Народ, сыны которого могут произнести такие слова, — непобедим!

И в день, когда будет уничтожен последний гитлеровский бандит, все освобожденное человечество преклонит свои знамена перед героическими защитниками города, который носит бессмертное имя вождя угнетенных — Владимира Ильича Ленина!

НИК. ТИХОНОВ

ГОРОД В БРОНЕ

Какой веселый гомон бывал в Ленинграде перед октябрьскими праздниками в мирные времена! Как светились его выпуклые, длинные, круглые огни, как играли их отсветы в каналах и в широкой Неве, сколько народу толпилось перед витринами магазинов! Детвора заполняла его скверы и парки. Долго за полночь проносились шумные трамваи, сияли окна, возвращались из театров и из гостей, встречаясь с ночной сменой идущих на заводы. Молодежь смеялась так заразительно, что самый суровый прохожий начинал невольно улыбаться. Нет, Ленинград не был холодным городом. Это выдумали от зависти к его большим площадям и широким улицам, к его просторам и к его непрерывной деловой энергии.

Приезжие бегали на Неву в белые ночи, смотрели разведенные мосты с поднятыми, повисшими в небе стенами, любовались прекрасными лунными ночами и зимними морозами, колдовскими сумерками.

Он был бесконечным. Трамвай шел по городу часами, и город не кончался. Заставы его — прежние окраины — никто бы из людей десятого года не узнал в сороковом. Так они выросли, сами стали городом, зажили богато и представительно.

Если смотреть на Ленинград с высот Пулковских холмов весенним вечером, то по всему горизонту лежал как бы огненный пояс. Золотая полоса огней с каждым годом все ближе продвигалась к югу, все ширилась и росла.

Теперь мы узнали, какой Ленинград во мраке затемнения. Узнали, как выглядят улицы без огней и без людей ночью. Как не нужна и прямо враждебна луна над городом. Как надо жить, стиснув зубы от великой ненависти к врагу, отказаться от всех мелочей жизни, забыть беспечную суету и взять в руки оружие.

Страна наша стала вооруженным лагерем, Ленинград — ее передовой пост. На посту часовые не спят. И Ленинград стоит, как закованный в броню часовой, и зорко всматривается в туманную ночь, в которой притаился враг, беспощадный, настойчивый, кровожадный.

Над Невой в тумане проходят корабли. Глухо звучат шаги ночного дозора. Улицы стали напоминать совсем дру-

гие времена. Голос времен, как эхо, живет в пространствах ночи.

Броневик Ильича у Ленинградского вокзала в свете бледного прожектора и бронзовый Киров на Новой площади врезаются в самое сердце. И проспект имени Газа говорит о непреклонном комиссаре, улица Ракова — о человеке, прошедшем жизнь, состоявшую из смертельных опасностей во имя победы народа; проспект Огородникова — о железном путиловском рабочем, беспощадно разившем врагов народа.

Площадь Жертв Революции, молчаливая и пустынная, напоминает о великом долге каждого ленинградца быть на боевом посту в городе, где рождалась революция, бороться за свободу, честь, счастье, за будущее, как боролись они — павшие с оружием в руках, — и не бояться отдать, если нужно, жизнь за то, чтобы этот русский город был всегда русским, свободным, советским городом.

По улицам проходят обозы и пушки, проходят войска. С мужчинами рядом шагают женщины, сестры, жены. Так они пройдут до самого фронта. Фронт недалеко. Под вой разрывов им скажут: довольно, вернитесь. Они ответят: мы остаемся, и останутся дружинницами. Будут выносить раненых и следить, чтобы их оружие было при них.

Все те же кони на Аничковом мосту. Мимо идут ленинградцы толпой, полной боевых забот. Город живет по-боевому. У бани женщины заинтересовались группой бородатых, серьезных людей с загорелыми, обветренными лицами.

— Откуда такие бородачи в наше время, да еще целая куча?

— Подождите, через часок все будем молодыми, — говорят, посмеиваясь, бородачи. Это партизаны пришли помыться, попариться, побриться, отдохнуть в городе.

Вот женщины, много женщин склонились над шитьем. Почему такие серьезные у них лица, как будто они не шьют, а участвуют в сражении? Они приготовляют теплое белье, теплые вещи для бойцов. Все время открывается дверь, и новые и новые приносят узлы, чемоданы, пакеты с теплыми вещами, которые надо просмотреть, переделать, перешить. Зима на дворе. Наши бойцы ходят в теплой, чистой одежде, в фуфайках, перешитых добрыми руками. У этих женщин не у всех родные на фронте, но у них нет деления на своего и твоего. Все фронтовые стали родными, все стали близкими.

На заводах делают оружие, танки, снаряды, на заводах

работают на фронт. Со скрежетом разрывается в цехе снаряд. Мгновение замешательства. Раздается тихий, но твердый голос руководителя:

— Товарищи, фронт ждет нашей помощи!

Люди становятся к станкам. Аварийная команда начинает исправлять повреждения.

А на фронте мастера огня засекают вспышки вражеских орудий, бьющих по городу. Ненавистью пылают сердца артиллеристов. Залп, еще залп — конец разбойничьей батарее. Летят в сторону колеса, головы и руки немецких бандитов, думавших внести замешательство в работу завода.

Пробирается разведка. В ней все ленинградцы. Им знакома каждая дорога в этих местах. Люди сжимают оружие, как самое дорогое. Мстить, мстить врагу за все. За то, что сгорели пригородные чудные уголки, за то, что убиты родные, истерзаны дети и женщины, за то, что в Пушкине на улице виселицы и бомбы разбили большую залу Екатерининского дворца, за то, что бронзового позолоченного Самсона, украшение петергофских фонтанов, немцы распилили на части и увезли, за все страдания людей, за все поруганные памятники нашей родной старины, за ночные выстрелы по мирному населению — за все.

Тяжелые наши орудия бьют с фортов. И летят немецкие штабы и танки, батареи и автоколонны. Скоро немецких трупов будет столько, что некогда будет их закапывать.

Люди на фронте — герои. Но в городе, питающем фронт, — тоже герои. Героическое неотделимо от жизни нашего города сегодня. Высоко в небе, где так не нужна луна, все залившая своим равнодушным светом, скрываются немецкие стервятники. Они бросают бомбы. Бомбы падают в каналы, взметывая воду выше домов. Бомбы ломают деревья, убивают старую ленинградскую слониху в Зоопарке, падают на дома. Дома рушатся. Бойца аварийной команды вызывают на место попадания. Он видит, что завалило щель, где укрывались жильцы дома. Он работает без устали, осторожно и умело. Один живой ребенок извлечен из-под груд мусора и земли, второй, третий, четвертый, пятого он передает молча товарищам, и те чувствуют, что руки его ослабели.

— Заработался, устал?

Нет, на его руках лежит его 11-летняя дочь. Ее убили звери, умеющие летать. Начальник команды предлагает ему отдохнуть, уйти, остаться со своим горем. Единственная дочь. Он говорит: нет, он не уйдет! Он будет рабо-

тать. Его дочь умерла, но есть там под землей другие живые дети, их надо спасти, их можно спасти, и их спасают.

Людей такого города нельзя сделать рабами. На родину нашу упало страшное, невыразимое простыми словами бедствие. Нам много предстоит тяжелого. Надо пройти через все. Ничто не страшно человеку, стоящему за правду. Мы стоим за правду. В наш человеческий город пропустить зверей нельзя, мы их не пропустим! Их будут истреблять безжалостно, беспощадно. С ними нет другого разговора, как разговор пулей и снарядом, танком и минометом.

Так пусть будет больше орудий, пуль, танков и минометов! По улицам маршируют штатские люди с винтовками на плече. Они стали бойцами все до единого. Вот почему праздник мы празднуем за боевой работой. То, что добыто народной кровью и потом, не отдадим врагу. Это все надо защищать до последнего вздоха. Вот почему Ленинград темен и суров. К нему подкрался враг с ножом, чтобы перерезать горло спящему. Но он застал Ленинград бодрствующим. Горе врагу!

К. ЧУКОВСКИЙ

ЛЕНИНГРАД

Ленинград — самый лирический город в России. В нем каждый закоулок — цитата из Пушкина, из Некрасова, из Александра Блока.

Его Медный всадник существует не только на площади, но и во множестве сонетов, романсов, новелл и поэм. Эту гениальную статую, душу всего Петербурга, увековечили в стихах три величайших славянских поэта — Пушкин, Мицкевич, Шевченко.

Петербургские белые ночи словно сошли со страниц Достоевского, и невозможно пройти по Сенной, чтобы не вспомнить Соню Мармеладову и ее «сострадальца» Раскольникова.

В «Доме старой архитектуры» (номер десятый на Малой Морской) жила Пиковая дама, и тут же, на тротуаре, под ее окнами, бродил одержимый Герман, «с профилем Наполеона и душой Мефистофеля».

Вот воспетый Гоголем Невский проспект, по которому через семьдесят лет прошли «державным шагом» двенадцать Александра Блока, отрекшиеся от старого мира.

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Блок всегда был петербургским поэтом. Город, изображаемый им, всегда и неизменно Петербург. В его стихах — петербургские ночи, петербургские вьюги. Не то, чтобы Блок воспевал Петербург, нет, в нем каждая строчка была петербургская, словно соткана из петербургского воздуха. Не знающему Петербурга никогда не понять до конца ни «Незнакомки», ни «Снежной маски», ни «Снежной Девы», о которой он сам говорил:

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Замечательно, что революционные образы, которые он отражал в книгах, тоже были всегда петербургские: 9 января («Шли на приступ»), митинг («Митинг»), забастовка рабочих («Сытые»), разрушители старого мира («Двенадцать») — петербургские революционные образы.

И не только образы, но и самые биографии русских писателей — как крепко спаяны они с Ленинградом!

Вот на проспекте Володарского длинное старое трехэтажное здание, где на втором этаже прожил лет двадцать Некрасов, один из самых могучих певцов Петербурга, для которого Петербург был всегда

Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда.

У этого дома на другой стороне тротуара нередко простаивали молодые почитатели некрасовской «поэзии печали и мести», надеясь хоть мельком увидеть страдальческое, изможденное лицо поэта. Вот из этих окон глядел он на улицу, отсюда увидел он знаменитый парадный подъезд (который сохранился поныне), здесь писал он «Кому на Руси жить хорошо», сюда почти ежедневно к нему приходил Чернышевский, здесь — под одной крышей с Некрасовым — жил смертельно больной Добролюбов.

Сюда, в эту квартиру на втором этаже, через эту невысокую и темную дверь, каждое утро проходил в конце пяти-

десятых годов высокий, обаятельный, изящный, седой, избалованный славой Тургенев, здесь встречался он со Львом Толстым, с Григоровичем, с Фетом, с Гончаровым, с Дружининым. Здесь, в этой квартире, десять лет из месяца в месяц создавался журнал «Современник». С шестидесятых годов ее завсегдатаем стал суровый Щедрин, — словом, вся русская литература трех поколений проходила в эту невысокую, мало заметную дверь.

Сюда приносил рукописи своего «Подростка» Ф. М. Достоевский. Отсюда, из этой же двери, в лютый петербургский мороз вынесли гроб Некрасова, и его тотчас же окружила несметная толпа молодежи, среди которой был юный Плеханов.

Небольшая петербургская квартира, а сколько скопилось в ней незабываемо славных имен! Как густо насыщена она литературной историей!

Пройдите несколько шагов, поверните налево, и там, на Фонтанке, в бывшем доме Лопатина, во дворе, — тесная квартира Виссариона Белинского. Дворник дома, с презрением смотревший на этого убогого жильца, звонко расхохотался бы, если бы ему сообщили, что большая соседняя улица будет названа улицей Белинского лишь потому, что этот невзрачный «сын лекаря» ютится здесь, в дешевых комнатенках, окна которых выходят на кучу навоза.

В этом же доме лет через пятнадцать жил Писарев, который, впрочем, самые свои боевые статьи написал не здесь, а в Петропавловской крепости, за широководной Невой. Четыре года его литературным кабинетом была одиночная камера этой тюрьмы, трагически связанная с биографиями многих писателей.

Здесь, в этой крепости, были повешены Рылеев и Бестужев, здесь три года томился Бакунин, здесь Чернышевский, изнуряемый бесконечными допросами следователей, создал роман «Что делать?». Казалось бы, ему было тогда не до писания романа. Он был в когтях у врагов, следственная комиссия выдвинула против него лживые обвинения провокатора, с которыми он тщетно боролся, ему предстояло вечное заточение в острогах Сибири, и все же он с изумительным самообладанием писал свою книгу, считая долгом оставить как бы завещание живущим на воле бойцам, чтобы заразить их своим оптимизмом, своей верой в победу.

Здесь же, после кровавого воскресения 1905 года, был

заточен Максим Горький, ратовавший за обманутых Гапоном петербургских рабочих.

Город Радищева, Чернышевского, Горького, Ленинград был всегда носителем освободительно-гуманитарных идей. Не случайно петроградские рабочие явились, по отзыву Ленина, «авангардом трудящихся масс России и всего мира».

Идеалы всемирного братства, борьба с крепостничеством всякого рода были в русской литературе раньше всего и громче всего провозглашены Ленинградом. И «Антон Горемыка», и «Сорока-воровка», и «Кто виноват?», и статьи Белинского, и стихи Некрасова, и сатиры Салтыкова-Щедрина, и горьковские альманахи «Знание», и первые поэмы Маяковского — вся эта литература протеста против мракобесия, насилия, принижения человеческой личности есть исконная литература Петербурга.

Петербург в лице лучших своих представителей был всегда ярым врагом тех каннибальских начал, которые явились предпосылками этики и философии фашизма. Ленинград — антифашист по природе, о чем свидетельствует вся созданная им литература. И теперь, когда против этого города благородных традиций, города великой красоты, города страстотерпцев и мучеников за светлое дело свободы — идут орды осатанелых врагов, глухих и слепых ко всему человеческому, не может быть никакого сомнения, что на защиту Ленинграда встанем мы все, как один человек. Потому что защищать Ленинград — это значит защищать цивилизацию в лучшем смысле этого высокого слова.

В. КАВЕРИН

ПРОСПЕКТ

Сколько исторических впечатлений связано с этим проспектом! Почти два с половиной столетия тому назад он был проложен гением Петра I. Просторная, свободная «Невская перспектива». О ней писали Пушкин, Гоголь, Некрасов. Кто не знает ее в нашей стране! Кто не любит ее в белые ночи, когда

...Ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла.

За последние годы новые культурные центры выросли в рабочих районах. Но Невский проспект, самой революцией переименованный в проспект 25 Октября, попрежнему занимает свое почетное место в нашем городе и в сердце каждого ленинградца.

...Августовский вечер. Война. Все полно войной. И проспект 25 Октября живет ею, так же как и весь город, как вся страна, готовая к смертельному и сокрушительному отпору. Враг близок, враг на подступах к Ленинграду, и сознание этой опасности видно на каждом углу преобразившегося проспекта. Витрины забиты конусообразными щитами, наполнены песком или шлаком. Вывески-времянки висят на досках. Маршируют отряды народного ополчения, проходят девушки-дружинницы в комбинезонах, в беретах с пятиконечной звездой.

Великолепный строгий проспект стал еще строже в эти дни, когда ненавистный враг, злее и подлее которого еще не знала земля, пытается пробраться к Ленинграду.

Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина. Вдоль фронтона ее стоят статуи великих мыслителей. Каждый день, как и раньше, в это хранилище, известное во всем мире, собираются студенты, аспиранты, профессора. Теперь библиотека раньше заканчивает свою работу, читальные залы переведены вниз. Но попрежнему каждый день на полки хранилища ставится обязательный экземпляр новой книги, прибывающей из Москвы и других городов. Приходят издания из-за границы, присылает свои карточки библиотека Конгресса в Вашингтоне.

Казанский собор. Здесь покоится прах Кутузова. Над могильной плитой — знамена и ордена. Памятник великого полководца. Он стоит, устремив вперед руку. По мановению этой руки полки русских патриотов и отряды партизан громили и гнали врага, вторгшегося в пределы отчизны. Увековеченный в бронзе фельдмаршал зовет к бесстрашию, к подвигам.

Темнеет на проспекте. Сквозь перистые облака пробивается заходящее солнце.

Нет, не пройти, никогда не пройти фашистам по этому проспекту! Никогда не ступить врагу на эти вековые камни! Этот город только наш, никем он не был завоеван, и слава его бессмертна.

1919—1941

Я помню ту осень и стужу,
Во мраке бугры баррикад.
И отблеск пожарища в лужах,
И грозный, как ночь, Петроград.

И в ночь уходили мужчины
С коротким приказом: вперед!
Без песен, без слов, без кручины
Шел питерский славный народ.

И женщины рыли толпою
Окопы, о близких шепча.
Лопатой и ржавой киркою
В тяжелую землю стуча.

У них на ладонях темнели
Кровавых мозолей следы,
Но плакать они не умели —
Как были те люди горды!

И как говорили без дрожи:
— Умрем, не отступим назад!
Теперь он еще нам дороже,
Родной, боевой Петроград!

За каждый мы камень сразимся,
Свой город врагу не дадим...
И теми людьми мы гордимся,
Как лучшим наследьем своим!

Враг снова у города кружит,
И выстрелы снова стучат,
И снова сверкает оружье
В твоих августовских ночах.

И снова идут ленинградцы,
Как двадцать два года назад,
В смертельном сраженьи сражаться
За свой боевой Ленинград.

Их жены, подруги и сестры
В полдневный, в полуночный час
Киркой и лопатою острой
В окопную землю стучат.

Друзья, земляки дорогие!
Боев ваших праведный труд,
И рвы, для врагов роковые,
В народную память войдут.

Так пусть от истока до устья
Невы пронесется, как гром:
— Умрем, но врага не пропустим
В наш город, в родимый наш дом!

Д. ШОСТАКОВИЧ

Композитор, лауреат Сталинской премии

НИКОГДА!

В Ленинграде я родился, вырос, учился. Я — коренной житель Ленинграда. Никогда я не покидал своего любимого города. Связь с Ленинградом у меня кровная, крепкая.

Моя родина — весь Советский Союз. Но самое родное для меня место — Ленинград. И всегда после временной, иногда долгой, отлучки, подъезжая к своему городу, я испытывал сильное и радостное волнение.

Несколько дней тому назад я поставил точку на последней странице первой части своего нового симфонического сочинения. Работаю сейчас над второй частью. Это факт не очень значительный, однако я о нем упоминаю для того, чтобы все знали, что в Ленинграде продолжается нормальная жизнь. Работают ученые, писатели, художники, композиторы, артисты.

Пусть знают все, что Ленинград защищается крепко, что Ленинград неприступен, что еще много веков наш город будет красоваться на берегах Невы, распространяя на весь мир свет культуры, науки, искусства. Пусть знают все, что никогда враг не входил в Ленинград и никогда не войдет!

ЛЕНИНГРАД

Великий город с самого рождения своего до наших дней жил жизнью гения.

Самое начало города, самое его рождение было делом гениальной мысли и жизни Петра, которую через сто лет понял, почувствовал, воссоздал в стихах, равных которым не было у человечества, Пушкин.

Пушкин жив в нашем городе. Скачет там воспетый им Медный всадник, и его медная скачка учит истории.

Здесь, вблизи Медного всадника, вышли на площадь декабристы, друзья Пушкина.

Здесь, в нашем великом городе, победили Ленин и Сталин.

Если бы не было нашего прекрасного города — человечество и история были бы беднее.

Великие зодчие строили наш город. Кто смотрит на ограды, созданные Воронихиным вокруг здания, воздвигнутого в честь победы над Наполеоном, кто видит чудесные ограды Летнего сада, знаменитую «иглу» — шпиль Адмиралтейства, созданного Захаровым, тот понимает эти пушкинские каменные строфы, которые живят наш великий город.

Стройный памятник полководцу Суворову стоит на Марсовом поле.

Как смеется наш великий город каждым своим бессмертным камнем, своими безбрежными набережными, своими оградами над Берлином с дешевой пошлостью его главных улиц, над этим городом-мещанином, городом-самозванцем. Как смеется он над этой «аллеей победы», которая должна представлять для обозрения все «победы» немцев, всю их сокращенную «историю», всех Вильгельмов и всех Фридрихов-Вильгельмов.

Если бы не было Ленинграда, мир был бы беднее. Участь города Берлина мировой истории не касается.

Они не получат Ленинграда.

Мы любим наш город, как любят только человека.

Каждый дом, где жили, — памятен нам, где живут, — дорог нам.

Мы помним наше прошедшее и умеем любить наше настоящее.

Враги не войдут в наш город, где создали новый мир Ленин и Сталин, где творили Пушкин и Гоголь.

Ярость, молчаливая и ко всему готовая, ждет убийц. За каждую улицу, воспетую мыслью, стихом, мозгом и кровью тех, кто трудится, будет отвечать убийцам и ворам ярость народа, которая удивит мир.

Город ответит пошлым самозванцам полной мерой.

Наш великий город будет жить.

Враг сломит себе зубы об его каменные ребра.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

ПОСЛАНИЕ В ЛЕНИНГРАД

Медный всадник над славной рекой.
Старый друг вдохновенья в России,
Встань на вахту с простертой рукой,
Ты России сулил не покой,
Так победу опять принеси ей!

Ты летел сквозь года и века,
Медным топотом время наполнив,
И простертая к морю рука
Только крепла от штормов и молний.

В снежный Выборг в минувшем году
Ты сапером вошел, как когда-то.
Ты все тот же, врагам на беду,
Рослый шкипер, боец из Кронштадта.

Старый друг наших песен и снов,
Медный всадник, механик и зодчий,
Стереги ленинградские ночи,
Разбуди своих верных сынов,
Сделай зорче их зоркие очи!

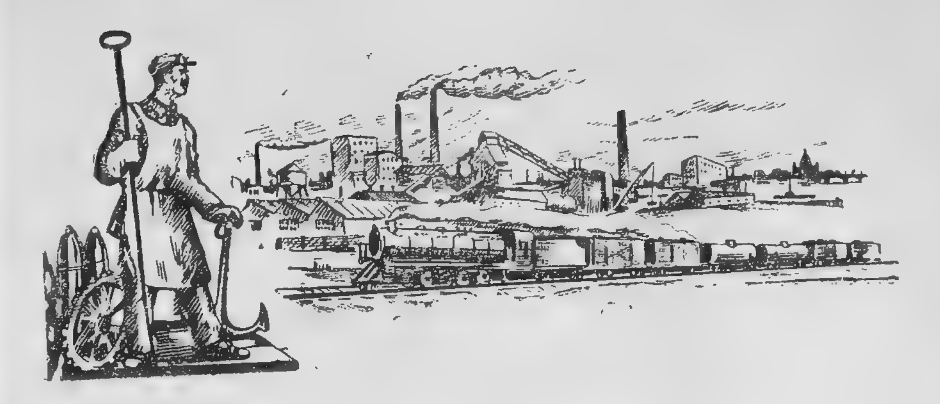
Чтобы ночью и в раннюю рань,
Когда солнцем туман не пропорот,
Никакая бы нечисть и дрянь
Не вползла в удивительный город!

И когда в небесах над Невой
Черный коршун в полуночи кружит,

Пусть прожектора сноп огневой
Эту птицу во мгле обнаружит.

Пусть зенитчик ударит во мглу,
Вырвет смерть из ночного простора
И к тебе принесет на скалу
Обожженное сердце мотора.

Чтобы крепко зенит заперла
Стая смелых в полете орлином.
Чтобы кубок большого орла
В ту же ночку она пролила
Жгучей брагой над черным Берлином.

НИК. ТИХОНОВ

КИРОВ С НАМИ

I

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна,
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры тишина.
Но тишь разрывается боем,
Сирены зовут на посты,
И бомбы свистят над Невою,
Огнем обжигая мосты.
Под грохот полночных снарядов,
В полночный воздушный налет
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
В шинели армейской походной
Как будто полков впереди
Идет он тем шагом свободным,
Каким он в сраженья ходил.
Звезда на фуражке алеет,
Горит его взор огневой,
Идет ленинградцев жалея,
Гордясь их красой боевой.

II

Стоит часовой над водою,
Моряк Ленинград сторожит,
И это лицо молодое

О многом ему говорит.
И он вспоминает матросов
Каспийских своих кораблей,
Что дрались на волжских откосах,
Среди астраханских полей.
И в этом юнце крепкожилом
Такая ж пригожая стать,
Такая ж геройская сила,
Такой же огонь неспроста.
Прожектор из сумрака вырыл
Его бескозырку в огне,
Названье победное: «Киров»
Грозой заблистало на ней...

III

Разбиты дома и ограды,
Зияет разрушенный свод,
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
Боец справедливый и грозный,
По городу тихо идет.
Час поздний, глухой и морозный...
Суровый, как крепость, завод.
Здесь нет перерывов в работе,
Здесь отдых забыли и сон,
Здесь люди в великой заботе,
Лишь в капельках пота висок.
Пусть красное пламя снаряда
Не раз полыхало в цехах,
Работой на-совесть, как надо,
Гони и усталость, и страх.
Мгновенная оторопь свяжет
Людей, но выходит старик.
Послушай, что дед этот скажет,
Его неподкупен язык.
— Пусть наши супы — водяные,
Пусть хлеб на вес золота стал,
Мы будем стоять, как стальные,
Потом мы успеем устать.
Враг силой не мог нас осилить,
Нас голодом хочет он взять,
Отнять Ленинград у России,
В полон ленинградцев забрать.
Такого вовеки не будет

На невском святом берегу,
Рабочие русские люди
Умрут, не сдадутся врагу.
Мы выкуем фронту обновы,
Мы вражье кольцо разорвем.
Недаром завод наш суровый
Мы кировским гордо зовем.

IV

В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет.
И сердце прегордое радо,
Что так непреклонен народ,
Что крепки советские люди
На страже родимой земли...
Все ближе удары орудий,
И рядом разрывы легли.
И бомбы ударили рядом,
Дом падает, дымом обвит,
И девушка вместе с отрядом
Бесстрашно на помощь спешит.
Пусть рушатся стены и балки,
Кирпич мимо уха свистит,
Здесь собственной жизни не жалко,
Чтоб жизнь тех зарытых спасти.
Вот юность — гроза и отрада,
Такую ничто не берет.
В железных ночах Ленинграда
По городу Киров идет...

V

Глашатай советского века,
Трибуном и воином был,
На снежных предгорьях Казбека,
Во мраках подпольной борьбы.
Он помнит кровавые, злые
В огне астраханские дни,
И ночи степные, кривые,
Как сабли сверкали огни.
Так сердцем железным и нежным
Осилил он много дорог,
Сражений, просторов безбрежных,

Опасностей, горя, тревог.
Но всей большевистской душою
Любил он громады громад.
Любовью последней большою —
Большой трудовой Ленинград.
...Но черные дни набежали,
Ударили свистом свинца,
Здесь люди его провожали,
Как друга, вождя и отца.
И Киров остался меж нами,
Сражаясь, в работе спеша,
Лишь вспомнят могучее имя,
И мужеством крепнет душа.

VI

На улицах рвы, баррикады,
Окопы у самых ворот.
В железных ночах Ленинграда
За город он тихо идет.
И видит: взлетают ракеты,
Пожаров ночная заря,
Там вражьи таятся пикеты,
Немецких зверей лагеря.
Там глухо стучат автоматы,
Там вспышки, как всплески ножа,
Там, тускло мерцая, как латы,
Подбитые танки лежат.
Враг к городу рвется со злобой,
Давай ему дом и уют,
Набей пирогами утробу,
Отдай ему дочку свою.
Оружьем обвешен и страшен,
В награбленных женских мехах,
Он рвется с затоптанных пашен
К огням на твоих очагах.
Но путь преградить супостату
Идет наш народ боевой,
Выходит, сжимая гранату,
Старик на сраженье с ордой.
И танки с оснеженной пашни
Уходят тяжелые в бой.
«За родину» — надпись на башне,
И «Киров» — на башне другой,

VII

И в ярости злой канонады
Немецкую гробить орду
В железных ночах Ленинграда
На бой ленинградцы идут.
И красное знамя над ними,
Как знамя победы, встает.
И Кирова грозное имя
Полки ленинградцев ведет!

В. ЕФРЕМОВ
Секретарь Кировского райкома ВКП(б), Ленинград

РАЙОН ИМЕНИ КИРОВА

Наш район носит имя пламенного Кирова. В центре района ему, любимому руководителю ленинградских партийных и непартийных большевиков, воздвигнут прекрасный памятник. Сейчас памятник обложен мешками с песком и закрыт досками. Уже не раз около памятника на площадь падали фугасные бомбы и разрывались вражеские снаряды.

Железом, камнями и песком трудящиеся Кировского района заложили улицы. Они закрыли все входы в свой район многочисленными оборонительными сооружениями: баррикадами, траншеями, блиндажами.

Кировский район в Ленинграде — самый ближайший к переднему рубежу фронта. Фронт примыкает к жилым кварталам района. Гитлеровские мерзавцы ежедневно обстреливают улицы, дома, больницы, школы, площади нашего района десятками и сотнями снарядов. От зверского обстрела погибло немало женщин и детей, стариков и молодых рабочих и служащих наших предприятий. Лютый враг хочет добиться, чтобы жители боялись ходить по улицам, чтобы наши предприятия перестали работать.

Но врагу не поколебать стойкости у людей, выросших под руководством нашей партии и великого Сталина, у людей, над воспитанием которых так много поработал Мироныч.

Ничто не может заставить кировцев подчиниться воле

врага. Вражеские снаряды не оголили наших улиц. В урочные часы идут рабочие и служащие на работу, домашние хозяйки — в магазины. Напряженно работают в районном совете, в райкоме партии; еще больше, еще чаще стали сюда обращаться люди района со своими нуждами и заботами.

На каждый фашистский выстрел рабочие отвечают выпуском большего количества танков, пушек, боеприпасов. Изо дня в день растет производительность труда на наших предприятиях.

Родина требует все больше и больше оружия и боеприпасов для фронта — и трудящиеся Ленинграда выполняют с честью это требование. Родина требует — и фабрика, производившая прежде весьма мирную продукцию, сегодня выпускает мины. Родине нужно — и ремесленное училище делает снаряды.

Ежедневно мы получаем сообщения с предприятий о том, что сегодня выпустили продукции больше, чем вчера, хотя и враг сегодня выпустил по району снарядов больше, чем вчера.

Часто выполнение того или иного задания связано с риском для жизни, но это не останавливает советских патриотов. На трудовом посту, выполняя задание, погиб у станка мастер Орлов, погибли стахановцы Левин и Михайлов. На рабочем месте был убит старый производственник, медник Лебедев. Несмотря на тяжелые жертвы, их товарищи не бросают постов у своих станков. Все так же токарь Иванов выполняет свою норму на 300 процентов, сверловщица Баринова дает 250 процентов нормы, обрубщик Стерлигов, чеканщик Степанов, сверловщица Балашова и многие другие выполняют более чем по две нормы.

Осколками бомбы на Кировском заводе было ранено несколько сотрудников конструкторского бюро. Но ни на одну минуту никто не оставил своего поста. Срочная работа была выполнена в срок.

Токарь-коммунист товарищ Санин во время бомбардировки был засыпан землей, получил контузию и ушибы, но не ушел с завода до тех пор, пока не закончил изготовления ответственных деталей.

Целые полки добровольцев были укомплектованы на фронт с заводов и фабрик нашего района. Кировцы героически дерутся с ненавистным врагом, героически защищают свою родину, свой родной город.

В борьбе с фашистскими захватчиками смертью храб-

рых погибли коммунисты Подрезов, Маркин, один из секретарей райкома партии — Михайлов. Тысячи кировцев храбро дерутся на фронтах великой отечественной войны. Мстят за смерть своих товарищей, наносят жестокие удары гитлеровским бандам. Любовь к партии, преданность родине трудящихся нашего района отражены в их стремлении быть и бороться коммунистами. Кировский районный комитет за время войны принял в партию в четыре раза больше кандидатов в члены ВКП(б), чем за такой же отрезок времени до войны.

Вступлением в партию рабочие и трудовая интеллигенция выражают свою глубокую уверенность в правоте нашего дела. Вот что написал в своем заявлении о принятии в партию товарищ Андреев: «В дни, когда весь народ нашей родины поднялся на борьбу с проклятым фашизмом, я хочу вместе с большевистской партией защищать завоеванное нашими отцами. Клянусь, что все возложенные на меня задачи буду с честью выполнять и, если нужно будет, не пожалею жизни для защиты родины».

Начальник одного отдела Кировского завода, товарищ Ланцберг, так выразил свое отношение к партии: «На заре зарождения советской власти я бился за Страну советов беспартийным большевиком. Сейчас хочу воевать, разбить фашистскую гадину и, если надо, умереть за родину коммунистом».

Самоотверженно работает все население Кировского района. Блиндажи, окопы, эскарпы на подступах к району созданы руками рабочих наших предприятий, руками населения района. Тысячи людей участвуют в командах МПВО. Команды МПВО героически действуют на ликвидации последствий вражеских налетов. Ими руководит товарищ Мешалкин — человек беспримерной храбрости, удивительной скромности.

Во время бомбардировок бойцы-саперы спасают людей из-под обломков разрушенных зданий. Героически работают пожарные. Чудеса храбрости и бесстрашия показывают советские женщины и девушки — бойцы команд РОКК. Ничто — ни падающие бомбы, ни артиллерийский обстрел — не задерживает их, спешащих оказать первую помощь пострадавшим.

Наш район преобразился, он — преддверие фронта, он сам фронт. Его облик — облик города Ленина, готового отразить врага. На его улицах, как и в годы гражданской войны, патрулируют вооруженные люди — это бойцы рабо-

чих отрядов. Сегодня они охраняют район, но в любую минуту готовы пойти на передний край обороны.

Враг близко. Он несколько месяцев назад остановлен на подступах к району. Мы уверены, что скоро наступит время, когда он будет отброшен от города. Мы неустанно куем оружие для фронта и безгранично верим в правоту нашего дела, дела, за торжество которого всю свою жизнь отдал верный сын партии Ленина—Сталина Сергей Миронович Киров.

Настанут дни, когда мы вновь раскроем памятник родного Кирова. Он улыбнется нам своей торжествующей улыбкой, и его вдаль устремленная рука будет указывать в веках миллионам путь к свободной, счастливой жизни. Тяжелые раны, нанесенные врагом, будут залечены, и мы вновь будем вести великую социалистическую стройку.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ
Мастер-орденоносец Кировского завода

КИРОВЦЫ НА БОЕВЫХ ПОСТАХ

Не раз покушались враги на честь и свободу Ленинграда. Не вышло. Отсохнет рука у каждого, кто замахнется на наш великий город.

Помню, сколько тревожных дней и ночей бывало у нас в Петрограде в первые годы пролетарской революции. Не раз в ночную пору заводские гудки звали нас в цехи завода. Тут же, в цехах, формировались рабочие дружины.

Они грузились в поезда и отправлялись бить немцев под Псковом, как это было в 1918 году, или, год спустя, бить белогвардейскую нечисть у Пулковских высот.

Живы эти боевые традиции! Снова суровые дни переживает наш город. И снова для защиты его люди не жалеют ни сил своих, ни жизни. Тысячи молодых и старых производственников Кировского завода ушли в народное ополчение. Тысячи сооружают оборонные укрепления вокруг города. Те, кто остался на производстве, работают так же рьяно, как работали их отцы, готовя бронепоезд комиссара И. И. Газа.

На участке, где я мастером, недавно на двух фрезерных станках остались только два станочника — Иван Зуев и Виктор Лебедев. Сменить их было некому. А к станкам подали большое количество заготовок, которые надо было срочно обработать. По 36 часов сряду Зуев и Лебедев не отходили от своих станков. Одну деталь за другой посылали они на сборочную.

Их бригадир Иван Бородавка в тот день не мог работать, так как у него была серьезно повреждена нога. Несмотря на возражения врачей, он все же явился в цех и стал к станку.

— Всю ответственность беру на себя, — заявил он главному врачу поликлиники. И с забинтованной ногой простоял за станком 24 часа.

Сражаясь плечом к плечу с бойцами Красной Армии, с моряками Краснознаменной Балтики, ленинградцы-кировцы загоняют гитлеровские орды в могилу.

С. МАРВИЧ, В. КАВЕРИН

ЗАВОД И ФРОНТ

Море чувств бушует в Ленинграде.

На фронте священная ненависть к врагу заставляет крепче сжимать винтовку в руках, бить без промаха, не отступать ни на шаг. На заводах и фабриках Ленинграда эта ненависть побуждает работать так, как еще никто и никогда в мире не работал.

В цехе на черной доске цветным мелом нанесена краткая сводка. Через час появится другая. Это — сообщение о том, как работает цех, участок, как соблюдается график, как идет выполнение срочного заказа для фронта.

Эти сводки на заводах называют молниями. Стенная газета теперь слишком долгое дело; требуется несколько строк, лаконичных, оперативных, действенных, зажигающих. И вот кто-нибудь из членов редколлегии стенной газеты набросал на доске эти несколько строк, отметил лучшего слесаря, по которому следует равняться, сборщика, фрезеровщика. Это — боевое донесение с одного из участ-

ков фронта, где жужжат моторы, где резец впивается в металл, где ослепительно вспыхивает электрод сварщика.

Диспетчер склонился над своим пультом. График нерушим. Сборщик Антонов заканчивает свою часть работы. Сейчас будет ввинчен последний шуруп. Антонов вырвался вперед. Решают напряженные минуты. Заказ выполнен. Изделие поступает в контроль. Очередная молния появляется на цеховой доске.

Рабочий день окончен. К молодой девушке поочередно подходят ее друзья и товарки.

— Товарищ комсорг, задание выполнено мною на 147 процентов.

Но ни юноша, ни девушка не оставят боевого поста. Кто пойдет на стрельбище и заляжет у пулемета, кто отправится на дежурство в госпиталь, кто проведет еще одно занятие со своей группой самозащиты, а кто останется на заводе, на вторую смену и потом снова доложит о том, что задание он выполнил с большим превышением.

Иначе теперь и не бывает. Молнии появляются, исчезают, цифры растут с каждым часом. Труд для фронта — священный труд. Его отмеряет теперь только одна мера — любовь к родине. А эта любовь не знает предела.

— Павел Парамонович, — говорит заслуженному фрезеровщику Симичеву начальник участка Копысов. — Нужно сделать штамп. Раньше на это я дал бы часов 80, а теперь—24.

— Есть дать штамп через двадцать четыре часа, — отвечает фрезеровщик.

К утру штамп будет готов, можно не тревожиться.

— Михаил, — обращается к совсем юному комсомольцу Родионову мастер Борисевич. — По норме полагается 12 рычажков, а мне требуется 25.

И нормой Родионова стали двадцать пять рычажков. Но это была работа до обеда. К концу дня Родионов выдал пятьдесят рычажков.

Нам приходилось видеть в эти дни на заводах флажки у станков. Таких флажков много. Но их надо заслужить. Это боевой знак стахановца военного времени. Флажок дается тому, кто превышает норму вдвое, втрое, кто бережет инструменты, материалы, кто каждый день добивается новых успехов по всем показателям своей работы.

С первых дней войны ставельщик Лебедев работал так, как требовала война. Недавно у него не стало напарника, теперь он отлично работает за двоих. При этом у Лебедева

не пропадает ни один грамм металла. Лебедев безусловно достоин флажка стахановца военного времени.

Про молодых работниц Васильеву и Тихомирову шутливо говорят:

— Вне очереди произведены в пятый разряд.

Обе они недавно были токарями третьего разряда. Теперь вполне справляются со сложной работой токарей пятого разряда. И обе быстро приближаются к тем показателям, за которые полагается флажок стахановца военного времени.

Изменилось самое отношение к станку. Станок стал боевым оружием. На одном из оборонных заводов рабочий оставил свой станок грязным. На другой день его судили перед лицом всего цеха. Он раскаялся и дал слово, что с этой минуты будет относиться к своему станку, как к винтовке.

Женщины заменили мужей, ушедших на фронт. Но это не просто замена одних рабочих рук другими. Жены, матери и сестры бойцов заняли места в боевом советском строю и работают упорно, мужественно, толково.

«Мы сейчас работаем много, — пишет работница ленинградского завода т. Ховричева, — а если бы надо было работать еще больше, ничто не остановило бы нас. Нет такой преграды, которая помешала бы нашему стремлению во что бы то ни стало победить врага».

Подростки-ученики появились на заводах. Смышленые, быстрые, они со всем пылом своих юных лет осваивают производство. Обучение ведется непосредственно на рабочем месте. Окруженные вниманием и заботой всего коллектива, они работают так, что даже самые требовательные «старики» отдают им должное. В суровые дни начинают эти юноши и девушки свою самостоятельную жизнь. Но первые шаги сделаны, и уже видит опытный глаз, что у этих новых молодых советских рабочих будет твердая поступь.

Линия фронта проходит по каждому цеху, по каждому пролету, у каждого станка. Тыл... Теперь этого слова ни от кого не услышишь. Когда мы на плечах врага пойдем обратно по военным дорогам, когда советская земля примет последний труп фашиста, тогда наш город снова станет тылом. А до тех пор он — фронт, и только фронт. Ему — все мысли и силы, ему — пламенное трудовое вдохновение, ему — бессонные ночи у станка, у мартеновской печи, ему — воля и сердце, ему — вся жизнь.

М. КРОПАЧЕВА

Депутат Верховного Совета РСФСР

ВОЛЯ К ПОБЕДЕ

Мы — ленинградцы. Наш город — наше сердце.

В него метит враг. Мы ненавидим врага жгучей ненавистью, как только может ненавидеть человек.

Мужчины и женщины, старики и подростки встали на защиту своего города — любимца страны.

Нам здесь дорого все: заводы и университеты, театры и музеи, просторы площадей, улиц, красота линий, радующая глаз, гранитные набережные, о которых написано столько прекрасных стихов, дома, камни, деревья в садах — все дорого, все любимо!

В течение веков лучшие люди каждого поколения дарили нашему городу свой труд, талант, вписывали новые прекрасные страницы в его историю.

И город стал украшением страны, ее гордостью и славой. С ним неразрывно сплелась вся наша жизнь, в нем мы нашли свое счастье!

Как же нам не любить Ленинград! Мы гордимся, что в нем в холодную октябрьскую ночь 1917 года вместе с Владимиром Ильичем Иосиф Виссарионович Сталин руководил вооруженным восстанием.

В рядах народного ополчения города Ленина немало участников героической обороны Петрограда от полков Юденича. У этих людей — живых носителей славных боевых традиций — учится молодежь бить врага.

Когда опасность нависла над городом, ленинградцы с семьями вышли на фронт. Старый пулеметчик Кудрявцев — участник мировой и гражданской войны — пришел в ополчение с двумя сыновьями и двумя племянниками. На передовые позиции вместе с сыном ушла медицинская сестра Васильева. Записался в ополчение 53-летний заведующий магазином Дмитриев. Его жена и дочери стали работать в госпитале.

Молодежь Ленинграда достойна своих отцов. На подступах к Ленинграду сражаются с врагом бывшие воспитанники 306-й школы, в которой я преподавала историю. Мы, учителя, гордимся своими учениками. Артиллеристы Петр Воробьев, Иван Вашуков, Николай Соболев, танкист Алек-

сандр Иоффе, пехотинец Николай Захаров, сапер Сергей Попченко — смелые, настойчивые юноши, они любят родину, любят родной город и бьют врага с упорством воина.

Вместе с юношами на защиту Ленинграда встали храбрые девушки. Молоденькая парикмахерша Майя стала подносчицей патронов, мужественно, самоотверженно держалась она в бою. Бесстрашно сражалась с врагом командир снайперской группы Валя Никифорова.

Всеобщее уважение в полку заслужили дружинницы — студентки технологического института. Стойко выносили они тяжести походов, вытаскивали раненых из-под огня. Уставали, но никогда не показывали своей усталости. Скромные, заботливые, умелые девушки. Взглянет на них уставший боец — и подтянет винтовку, вскинет голову и быстро зашагает вперед.

В городе воют сирены. Сквозь строй зениток прорываются отдельные самолеты врага. В городе есть разрушенные жилые дома, есть убитые и раненые мирные жители. За их кровь враг заплатит большей кровью. За каждый камень разрушенного здания фашисты ответят сотнями своих голов.

Темнеют глаза ленинградцев.
Стучит ненависть в сердце.
У нас одно желание — разбить врага.
У нас одна воля — к победе!

Весь город помогает отважным бойцам. Мощная индустрия — гордость и сила Ленинграда. Эта сила громит врага. Орудия, танки, минометы, снаряды — все виды оружия, сделанного руками ленинградских рабочих, непрерывным потоком идут на фронт. Этот поток все ширится, растет с каждым днем, с каждым часом.

Дать фронту всего как можно больше — девиз ленинградцев.

Ленинградцы работают для победы. Это заставляет не останавливаться на достигнутом, дерзать, добиваться новых успехов. Всю любовь к городу, всю ненависть к врагу вкладывают ленинградцы в свой труд.

Стараясь работать не только за себя, но и за ушедших на фронт товарищей, сверловщица Белякова стала еже-

дневно давать 280 процентов нормы. Это передовая работница. Но таких, как она, тысячи. Девятнадцатилетний комсомолец Князев обтачивает деталь, нужную фронту, вместо 30 минут в 3. Коллектив рабочих трижды орденоносного Кировского завода во главе с Героями социалистического труда Зальцманом и Котиным дает фронту новые сверхмощные несокрушимые танки.

Ленинградский рабочий стоит у станка, как боец в обороне. Он не отступит, не отойдет, несмотря на свистящие над головой бомбы.

В дни войны особенно сказалась привязанность ленинградцев к своему заводу, фабрике, учреждению. Это свое, родное, обжитое. Отсюда не хочется уходить домой. И многие не уходят, спят урывками, готовые в любой момент выполнить любое задание.

Каждый борется с врагом своим оружием. Профессора Ленинградского университета читают лекции студентам, а потом едут в части Красной Армии и читают бойцам. Писатели и поэты Николай Тихонов, Александр Прокофьев, Виссарион Саянов стали военными корреспондентами. Их правдивое, взволнованное слово воспламеняет сердца бойцов.

О домашних хозяйках, о женщинах Ленинграда будут написаны книги. Их героические дела войдут в историю обороны города.

Нелегко стоять на крыше пятиэтажного дома, когда рвутся бомбы, дежурить темной ночью у ворот, под свист снарядов перевязывать раненых, но ленинградская женщина преодолевает страх. Война закалила ее. Когда ее город, ее дом оказались в опасности, она стала бойцом стойким и мужественным.

Защищая свой город, женщина защищает своих детей, свою женскую честь, свое человеческое достоинство, свою свободу.

Молодая работница Валентина Смирнова во время бомбардировки стояла на вышке одиннадцатиэтажного дома. Вблизи рвались бомбы. Она хладнокровно и точно давала сведения в штаб ПВО. Смелая девушка не ушла со своего поста, пока не кончилась тревога.

После напряженного рабочего дня в каждой квартире Ленинграда женщины шьют и вяжут теплые вещи. Они делают это для незнакомых, но самых родных, самых близких людей — для защитников города.

Домашняя хозяйка Синельникова стала работать в госпитале. Несколько дней и ночей не отходила она от постели раненого, она спасла ему жизнь. Так поступают сотни ленинградских женщин.

Самоотверженно, под обстрелом врага, под разрывами бомб строят женщины Ленинграда оборонительные укрепления. Работницу Финогенову вытащили из-под обломков разрушенного здания. Почувствовав себя хорошо, она в тот же день вышла на стройку, зная, что в эти дни дорог каждый час, каждая пара рабочих рук.

Борьба против лютого, ненавистного врага сблизила и сроднила ленинградцев. Мужество города придает новые силы каждому гражданину Ленинграда. Единство в борьбе стало особым качеством всех защитников города. Стахановка Екатерина Полякова сказала на заводском митинге:

— Варвары разбивают стены наших домов. Мы восстановим дома. Они жгут — мы потушим пожары. Они ранят наших людей — мы залечим раны. Мужей убьют — сыновья и жены встанут на смену. Мы победим! Это совершенно ясно.

Да, это ясно для каждого ленинградца!

Упорство в борьбе проявляют также ленинградские дети.

Николаю Большакову 12 лет. Он не ляжет спать, пока не убедится, что все окна в доме хорошо затемнены. Он сам добровольно взял на себя эту обязанность и ревностно выполняет ее. Это друг всех домовых команд МПВО.

Пионерки-тимуровки Катя и Зоя взяли под свою опеку пятерых детей работницы Сергеевой. При сигнале воздушной тревоги девочки помогают вести малышей в убежище. Маленькие ленинградцы нашли свое место в общей борьбе за родной город.

Весь Ленинград — от мала до велика — встал на борьбу за свою честь и свободу. Борьба сурова и длительна. Неизбежны тяжелые жертвы.

Победоносная, непреклонная решимость во что бы то ни стало добиться победы, неукротимая ненависть к фашистским убийцам удесятеряют наши силы.

Город воюет мужественно, упорно. Это упорство сплотившихся в борьбе бойцов. Это наше упорство, ленинградцы! Стойко выдержим всю тяжесть войны. Мы уверены в победе, и мы завоюем ее!

ВЕРА ИНБЕР

ТАКОЙ ГОРОД НЕПОБЕДИМ!

Есть в Ленинграде места, как будто самой историей подчеркнутые красной чертой, места, где решалась судьба города и самой России, где начинались новые эры. Таким местом является Кировская площадь. Сжатый двумя новыми зданиями, стоит здесь домик Петра — колыбель Петербурга.

Над мостом рокочут воздушные сторожа города — самолеты.

Снова, как в дни Петра, идет война. Тогда, в первые дни, встал грозный вопрос: быть или не быть городу? История ответила: быть!

Против Петропавловской крепости, отделенный от нее зеленой полосой деревьев, стоит бывший особняк Кшесинской.

С маленького балкона этого дома говорил Ленин в дни своего приезда. Его рука простиралась над толпой одному ему свойственным жестом. В тот год решались судьбы революции. Вставал вопрос: быть или не быть нашему городу? Быть или не быть Стране советов? История ответила: быть!

Теперь в этом особняке — музей, посвященный Кирову. Еще одно имя, без которого трудно представить себе Ленинград. Теперь по Кировскому проспекту проходят бойцы Красной Армии. Здесь строятся батальоны народного ополчения, проходят девушки-дружинницы. Все они идут на фронт, на передовые позиции.

Санитарная карета перевозит раненых. Они были ранены недавно, этим утром. Бои близко.

Марсово поле, Летний, Ботанический сад и вообще все сады нашего города изрыты укрытиями. Этих щелей становится с каждым днем все больше и больше. Одни уже закончены, в других еще работают.

Свежевырытая земля — это родная, любимая советская земля. Это — земля нашей страны, земля нашего города. За нее бьются под стенами города, за нее умирают.

Ни разу еще не ступала на нее вражеская нога. Не ступит она и сейчас. На эту землю посягнул смертельный наш враг — фашизм и его полчища. Эта ленинградская земля станет его могилой.

Над нашим городом, за наш город бьются мужественные люди.

Вперед! И далеко, далеко вперед! — таков девиз полковника Бондарева, чье имя так же известно каждому жителю Ленинграда, как были известны имена Корнилова и Нахимова в дни осады Севастополя.

Часть полковника Бондарева не знает усталости, не терпит неудач. Ни разу еще врагу не удалось потеснить бондаревцев. Они идут вперед, и только вперед.

По радио мы слышали выступление одной матери.

— Женщины нашего города, — сказала она, — ленинградские матери! В то время, как я произношу эти слова, мой сын идет в атаку. Что есть у матери дороже сына? Ничего! Но это самое для нас дорогое — жизнь сына — мы отдаем родному городу!

Таковы матери Ленинграда.

Фашисты, отчаявшись взять наш город с земли, надеются сделать это с воздуха. Напрасные надежды!

Город Ленина, земля, которую защищают наши Бондаревы, воздух, где сражаются наши Харитоновы и Зубковы, где поджигают врага наши балтийцы, — такой город непобедим!

ЖЕНЩИНЫ

Производитель работ говорит: «Можно отдохнуть». Но женщины не разгибают спины. Они как бы не слышат его голоса.

Прораб уходит и возвращается через час.

— Товарищи женщины, кто поедет со мной на срочную работу? — спрашивает он. — Мне нужно пятнадцать человек.

Пятнадцать женщин отходят в сторону.

— Товарищи, вам следует выделить из своей среды бригадира. Кто может быть бригадиром?

— Что же, если другие не против, буду я, — говорит Анастасия Викторовна Чепитова.

Женщины едут на грузовике по дороге. Домохозяйка Чепитова и бухгалтер Клепикова сидят рядом.

— Сдается мне, что я вас где-то видела, — неуверенно говорит одна из них. — Вы не из Приморского района будете?

— Нет, я на Петроградской стороне не жила. Живу на Выборгской, за Невской заставой.

— А я всю жизнь на Петроградской...

Автомобиль привез женщин к лесу. Они взяли лопаты и ломы, отправились вслед за прорабом и вскоре пришли на новое место работы. Неподалеку от них стоял отряд бойцов.

Прораб подробно объяснил Чепитовой, что и как надо делать. Уезжая, он сказал, что вечером вернется и отвезет всех на машине.

Женщины горячо взялись за работу. Порученное дело каждой хотелось выполнить быстро, чтобы прораб и бойцы остались довольны.

Ленинградская почва известна. Углубились на метр, и пошла вода. Женщины разулись. Желтоватая земляная масса скоро превратилась в кряжистый песок с камешками. Пришлось взять в руки ломы.

И все же работу женщины выполнили значительно раньше назначенного срока.

Солнце уже заходило, когда они сели отдыхать, ожидая прораба.

Внезапно из середины низкого белого облака вынырнули два фашистских самолета. Они снижаются. Командир отряда предлагает женщинам немедленно уйти подальше в лес.

Анастасия Чепитова и Александра Клепикова лежат рядом.

Лес стоит безмолвный и спокойный.

Немецкие летчики, вероятно, решив, что в лесу никого нет, стали летать медленнее и ниже. Упало несколько бомб.

И тут заговорили наши зенитки. Зенитки всадили свой снаряд в одну из фашистских машин. От разорвавшейся собственной бомбы самолет разлетелся на мелкие части.

Второй самолет продолжал сбрасывать бомбы. Одна из них разорвалась недалеко от женщин. Их осыпало землей, сучьями, листьями.

Фашистский самолет штурмует лесок, бойцов, орудия.

Но вот он ложится вдруг на обратный курс. Он летит низко и косо.

— Подбит, подбит! — восклицает одна из женщин.

Этот самолет был посажен советскими летчиками в двух-трех километрах от леса.

Когда все стихло, к Александре Клепиковой подошла Анастасия Чепитова.

— А я, кажется, узнала... — сказала она. — Вас никогда Шурой не звали?

Александра Александровна отступила, присматриваясь:
— Шурой, да... Теперь и я вспоминаю... Тетя Настя!
И женщины обнялись. Двадцать с лишним лет назад они вместе копали ямы на тыловых сооружениях под красным Петроградом, когда войска Юденича лезли к городу. Они пилили деревья, носили доски, варили бойцам пищу. И вот теперь, на таких же работах, в грозный час они встретились вновь.

У Анастасии Чепитовой в Красной Армии два сына, у Клепиковой — сын и муж. Славные, бесстрашные женщины великого города!

А. ПРОКОФЬЕВ

ЛЕНИНГРАД

На проспектах — батареи,
Самолеты над Невой,
Нет милее, нет смелее,
Чем наш город боевой.

Не сломить его — наш город,
Не согнуть его в дугу.
Город, вставший для отпора
Ненавистному врагу.

Эх, недаром, эх, недаром
Первым он зажег зарю.
Все невзгоды, все удары
По плечу богатырю.

В бескозырке и в бушлате,
На войне, как на войне,
Он доверился гранате
И винтовке на ремне.

Силу он растит и копит,
Он такой — свое возьмет.
Он находится в окопе,
Он залег за пулемет.

Вот идет он шагом быстрым,
Вот он встал, как часовой,
Ощетинив каждый выступ,
Каждый камень мостовой.

Не сломить его — наш город,
Не согнуть его в дугу,
Город, вставший для отпора
Ненавистному врагу.

В. ВИШНЕВСКИЙ, Н. МИХАЙЛОВСКИЙ,
А. ТАРАСЕНКОВ

БОГАТЫРИ БАЛТИКИ

Балтийский флот приветствует своих орденоносцев. Военный совет Краснознаменной Балтики наградил орденами и медалями новые десятки краснофлотцев, командиров и политработников, — тех, кто сражался в отрядах морской пехоты, защищая Ленинград; тех, кто в долгие зимние ночи ходил под водой, выслеживая и уничтожая неприятельские транспорты и военные корабли; тех, кто отражал десанты на балтийских островах.

В новом почетном списке есть имена, давно известные стране. В числе награжденных — вице-адмирал Ю. Ф. Ралль, прошедший суровую школу еще в дни войны 1914—1918 годов; генерал-лейтенант А. Б. Елисеев — герой Волги, сподвижник Маркина; контр-адмирал И. И. Грен — заслуженный, опытный артиллерист. В числе награжденных — и молодые командиры и краснофлотцы, недавно пришедшие во флот.

Подводная лодка капитана-лейтенанта Л. С. Абросимова много дней и ночей провела вблизи неприятельских берегов. В хмурое, осеннее утро был замечен крупный танкер с горючим на 15 тысяч тонн. Залп — транспорт ушел на дно. Внезапно появились немецкие катеры-охотники и начали забрасывать лодку глубинными бомбами. Они рвались над лодкой, осколки ударялись о корпус. Командир решил «сыграть в мертвого». Были выключены аппараты, механизмы. Пусть

враг считает, что лодка уничтожена! В отсеках все недвижимы. Иные играют в домино беззвучно. Новые разрывы ближе и ближе. Лодка молча лежит на грунте. Наконец, все затихло. «Пронесло!» Но тут лодку начали выстукивать металлическим щупом, по-немецки методично. Это напоминало заколачивание гвоздей в гроб. Люди выдержали и это. Партия в домино прервана не была. «Твой ход!» «Иду»... Затем с короткими паузами снова началась глубинная бомбежка. Она продолжалась одиннадцать часов подряд. Свет погас. Дышать стало трудно. Иссякли запасы воздуха.

Немецкие катеры то отходили в сторону, то вновь охотились за лодкой. Она молчала, не выдавая себя ни единым звуком. К вечеру решили, что с лодкой покончено. Немцы завели вокруг лодки металлические сети, поставили светящиеся сигнальные буи и ушли, встав поодаль на якорь.

Командир лодки Абросимов решил принять последний абордажный бой. Пулеметы, гранаты — все было наготове. Жизнь отдать как бы подороже! Всплыл дерзко, быстро и неожиданно. Немцы не сумели помешать. Подводники вырвались и ушли продолжать борьбу. Абросимов награжден орденом Ленина.

В воздушных боях под Ленинградом, в штурмовках немецких позиций и колонн летчики Краснознаменной Балтики сделали многое. Наш народ знает имена Бринько, Антоненко, Романенко. Теперь к ним прибавляются новые.

Летчик В. К. Кулашов — молодой, крепкий, коренастый русский парень. Но он много успел. Воевал зимой 1939/40 года в снегах Финляндии, воюет и на Балтике с первых дней отечественной войны. Мы увидели его впервые три месяца назад на одном из балтийских аэродромов. Он летел тогда в паре со своим другом Кузнецовым. Это — истребители, оба молодые, точные, мужественные люди. Коричневая пыль аэродрома, редкий на Балтике горячий август. Два друга в запыленных комбинезонах стоят у своих машин, следят за тем, как воентехники и механики латают их изрешеченные в боях машины. Тревога! На наш аэродром шло свыше 20 «юнкерсов» и «мессершмиттов». Кулашов и Кузнецов взлетели, врезались в немецкий строй, и немецкие летчики беспорядочно пробомбили аэродром (тогда пострадала лишь одна старая автопокрышка) и пошли наутек. Кулашов вместе с Кузнецовым сбили два «мессершмитта». Дымясь, они упали за лесом... Друзья в этот день получили премиальные — бутылку шампанского выпуска 1812 года.

«Героям отечественной войны 1941 года — в память отечественной войны 1812 года».

— И какое было вино! — рассказывает Кулашов. — Пробка шибанула, как взрывная волна.

Замечательно действовал Кулашов и как штурмовик. На бреющем полете он не раз загонял в болото немецкую пехоту и конницу. Молодой лейтенант стал одним из опытнейших истребителей. Два ордена украсили его грудь: Красное знамя — за Финляндию, Орден Ленина — за отечественную войну.

В ряды новых орденоносцев вошел и ряд балтийских комиссаров. Одним из первых среди них является батальонный комиссар Илья Иголкин — коренной кронштадтец. Он был работником печати. Но когда в грозные дни враг подступил к Таллину, Иголкин вошел в отряды морской пехоты. Не раз водил Иголкин в атаку бойцов. Он был храбр, весел, дрался с шуткой на устах.

26-й немецкий корпус подступал все ближе. Ночью невдалеке от нашего огневого рубежа горела подожженная врагом писчебумажная фабрика. Где-то в середине развалин горящего здания засел немецкий снайпер-автоматчик. Работал он хлестко. Иголкин ринулся на врага. Это была короткая дуэль. Иголкин метнул две гранаты. В пламени взлетели клочья — и затихло.

Бой шел ночью, продолжался до утра, длился семь дней уже на улицах города. С группой краснофлотцев Иголкин на улице Тарту-Мааанту сел за пулемет. По Иголкину били вражеские минометчики и пулеметчики. Он удерживал рубеж, отбрасывая немцев. Он держался до последней минуты и одним из последних поднялся на палубу парохода.

«Юнкерсы» разбомбили корабль. Иголкин организовал спасение людей. Бросал тонущим доски, пробковые пояса. Подошла гибель — он пошел в воду последним. Выплыл, спасся, пришел в родной Кронштадт. И снова боевая комиссарская работа. Иголкина посылают к зенитчикам. Он организует людей, горячим большевистским словом зовет их на борьбу, на подвиг. Один из сентябрьских вражеских налетов. Удар фугасных бомб. Перемешались кровь и железо. Иголкину оторвало три пальца на правой руке. У него раздроблена правая нога. Хлещет кровь, ранена осколками левая рука, все лицо обожжено. Но бой продолжается. Иголкин встает на левое колено, отстегивает пистолет, вынимает левой рукой спички, узкий пистолетный ремешок и сам туго-

натуго перетягивает выше колена свою раздробленную, изуродованную ногу. У человека хватило сил сделать все это, не отрывая людей. Какая воля, какая сила!

Берите пример, товарищи, с комиссара Иголкина! Так надо биться, так надо держать себя. Орден Красного знамени Иголкин примет от народа по праву.

Ордена вручаются на месте: на кораблях и в частях, на аэродромах и базах. Боевая деятельность балтийцев активизируется. Пример орденоносцев увлекает сотни новых смельчаков. Старшина поста Картушев с восемью моряками сутки дрался на удаленном маяке, отражая атаку за атакой и непрерывно исправляя линию. У маяка насчитали 150 немецких трупов.

Летчики взлетают и при 10-балльном зимнем ветре и штурмуют сейчас немецкие позиции. Враг пятится. Умирающий комсомолец Гашко выпускает последний патрон по немцам, убивает врага, находит силы подползти и сдает винтовку:

— Возьмите, не оставляйте ее. Бейте!

Богатырские силы русского народа выходят наружу, как извержения лавы. Она ползет на врага медленно, угрожающе. Она брызнет рекой, сметая и испепеляя немцев.

ТОРПЕДНЫЙ ЗАЛП

Подводная лодка медленно шла по заливу, разрезая своим тяжелым корпусом беспорядочно громоздившийся лед. Люди улыбались, преодолевая свою усталь, — они пришли победителями. Их приветствовали все корабли: команды выстроились на палубе, играли горнисты. Капитан-лейтенант Иванцов ошвартовал лодку у плавбазы. Служебно-короткий рапорт о возвращении из похода. Командующий флотом поздравил подводников с победой.

— Андрей Александрович Жданов просил передать вам, товарищи, свои поздравления... Балтийцы действуют, и враг почувствует еще не раз наши удары.

Морозный воздух над Невой колебнулся от криков «ура».

Командующий быстро прошел в каюту и склонился над картами. Иванцов начал подробный рапорт о походе.

Да, много дней назад, когда подводная лодка отправлялась в поход, маловерам могло показаться, что Иванцов и команда — обреченные люди: море минировано! Русский

подводник Иванцов пошел. Он форсировал минные поля. Хлестнет под водой по корпусу лодки, будто железным прутом, значит, зацепились за минреп. Все на местах молчат...

Дальше, дальше на позиции, к самому логову врага. Командир бессменно у перископа. Кругом холодная зеленоватая Балтика. Командир стоит час, второй, третий, пятый! Устают руки, глаза, но нельзя дать себе даже минуты передышки. Ты на войне. Ночью всплыви тихо, осторожно, бесшумно перезаряди аккумуляторы, а под утро снова уходи под воду. Помни, ты охотишься за хитрым и жестоким зверем.

Снова холодная зеленоватая Балтика, снова поиски подходящего объекта для атаки. Вот большой немецкий транспорт. Вокруг рыщут катеры, вражеские подводные лодки. Заметили! Слышны разрывы глубинных бомб. Надо ждать.

Лодка ушла на глубину. Люди перезарядили торпедные аппараты, всплыли, осмотрелись... «Ничего в волнах не видно...» Только поздно вечером на горизонте снова появилась цель. Это был большой немецкий танкер. Иванцов начал наблюдать. Вот подошел к транспорту военный корабль. Тот застопорил ход. Постояли. Двинулись снова. Иванцов во тьме догнал врага. Почти в упор с боевого курса выпустил торпеду. Она угодила в середину танкера. Донесся глухой удар. Через несколько секунд танкер зарылся носом в воду. Немцы начали пускать сигнальные ракеты, но было поздно. В перископ видно, как все ниже уходит танкер. Туда и дорога. 17 тысяч тонн легли на дно Балтики. Первый трофей!

На море начинался шторм. Волна ударяет о борта, как кувалда. Всплытие может кончиться трагически — в один миг смоет командира и всех находящихся на мостике. Так идет день за днем, неделя за неделей. Состояние людей сдержанно-угрюмое. Где враг?

Но шторм кончается, погода улучшилась. Открывается простор для боевых операций. Лодка всплывает в ночную темь.

«Курс норд идет транспорт!»

Есть дело! Через две минуты после взрыва торпеды Иванцов посмотрел в перископ. Была видна только верхушка мачт тонущего врага. Еще 7 тысяч трофейных тонн!

Поход продолжался. Что-то случилось с рулями. Нужен осмотр. Темной ночью командир посылает на палубу старшину группы Винюкова и краснофлотца Подгара.

Винюков и Подгара на четвереньках карабкались по палубе, держась за леер. Налетала волна. Их тела порой исчезали из поля зрения командира.

— Живы ли еще?

В ответ во тьме мигал маленький огонек ручного фонаря. Живы!

Руль был осмотрен. Отошли к берегу, дождались тихой погоды, все исправили и продолжали боевую работу. Ловили лодку по ночам неприятельские тральщики, освещали ее оранжевыми прожекторами. Днем над морем барражировали самолеты врага. Но лодка умело пряталась. Через три дня еще один фашистский транспорт лег на грунт. Счет Иванцова увеличился до 30 тысяч тонн.

Через два дня еще атака — удар по огромному немецкому танкеру. Глухой взрыв. Подводники переглянулись. Счет достиг 42 тысяч тонн...

Скоро месяц, как лодка в море. В далеких просторах Балтики, в стане врагов действует русская подводная лодка. На ней — весь ритм жизни Большой советской земли, все ее радости и трудности. Принимают в походе отличного штурмана Кудряшова в члены ВКП(б). В тесном отсеке говорят коммунисты:

— Отличный товарищ, умело провел лодку через все минные поля.

— Кто «за»? Принят единогласно!

Лодка уходит ближе к берегу. Сегодня все чистятся, бреются. Кок Полдяев готовит сытный обед с булочками, варит ароматную брагу из сухарей.

Пьют моряки чарку за родину, за Сталина, за победу, а ухо слушает, нет ли минрепов у борта, не слышна ли работа немецких винтов вблизи. А стоящие на вахте неизменно готовы к атаке, к залпу.

Пришел день, и радист принял приказ — возвращаться на базу.

И снова через минные поля, через черную ноябрьскую ледяную воду — длинный путь на родину. Он пройден с честью.

Иванцов стоит над картой и точно, сухо, профессиональным языком докладывает командующему все детали похода. Он помнит наизусть, где и когда брали пеленг, и отмечает дни, часы и минуты всплытий, погружений, встреч с противником.

Русские подводные мстители — герои торпедного залпа — еще покажут себя немцам. Мы будем топить точно, неумолимо, вплоть до последнего дня войны, до последнего фашистского пирата.

ГАЛИНА УЛАНОВА
Народная артистка РСФСР,
лауреат Сталинской премии

МОЙ ГОРОД

Когда говоришь о Ленинграде, перед глазами возникает все величие этого замечательного города.

Меня воспитал город Ленина, его огромная культура, которую я жадно впитывала и впитываю в течение многих лет. Нет ни одного уголка в городе, который не имел бы своей судьбы, своей прелести.

...Пушкин. «Бахчисарайский фонтан». Детское Село. Лицей. Парк. Все это так ярко напоминает о великом русском поэте, и работа над пушкинским образом Марии в спектакле балета «Бахчисарайский фонтан» становится особенно волнующей.

Ленинград!.. С каким спокойствием и величием смотрит на вас город в знаменитые белые ночи, когда все покрывается серой дымкой и очертания зданий, соборов, памятников делаются волшебно-сказочными, а вода в Неве становится стальной. И как все это помогает, вдохновляет творческую фантазию художника.

Ленинград. Улица Гоголя. Дом, в котором жил Чайковский. Рядом — Исаакиевский собор. Адмиралтейство. Зимний дворец, памятник Петру, Нева...

Пушкин и Грибоедов, Гоголь и Достоевский, Блок, Чайковский и Глинка, Мусоргский, Римский-Корсаков и Глазунов, Репин, Головин...

Эти замечательные русские художники жили и творили в чудесном городе — Ленинграде.

...И вот сейчас моему родному, любимому, великому городу приходится выдержать большое, грозное испытание.

Фашистские варвары хотят посягнуть на все эти величайшие культурные ценности города Ленина.

Мечтают... Но никогда, никогда не осуществятся кровавые мечты кровавых гитлеровцев.

Героические сталинские соколы-летчики, наши храбрые зенитчики, доблестные бойцы Красной Армии и Краснознаменного Балтийского флота, могучая армия народного ополчения твердо защищают подступы к Ленинграду.

Ленинградцы не впервые встречаются со своим лютым врагом.

Три месяца героической борьбы ленинградцев с белофиннами показали величайшую стойкость и силу доблестных защитников города Ленина.

И как тогда враг не был допущен к городу Ленина, так и теперь фашисты будут разбиты на подступах к Ленинграду.

Не быть фашистским варварам в городе Ленина!

Д. СЛАВЕНТАТОР

ГОРОД БОЛЬШИХ ЧУВСТВ

Над городом плывет в облаках луна. Она освещает здания, крыши, покрытые искрящимся снегом, прославленный театр, увенчанный колесницей, мосты, колонны над пустынной, круглой, как чаша, площадью. Временами удары сотрясают воздух: это немцы бьют по городу из дальнобойных орудий.

В кабинет, полуосвещенный настольной лампой, входит человек в каске пожарного. Необычен вид у этой дворцовой комнаты — рядом с мебелью, украшенной позолотой резьбы, — деревянные топчаны, вперемежку с книгами на многих языках мира — плакаты о борьбе с зажигательными бомбами. Человек, вошедший в кабинет, снимает каску, откладывает ее в сторону и подсаживается к круглому столу темного полированного дерева. Лампа бросает свет на его худощавое лицо, склоненное над рукописью.

Три года раскапывал он в Южной Армении остатки дворца древнейшего на территории Советского Союза государства Урарту. Теперь в часы, свободные от дежурства на пожарном посту, он продолжает работу: «Урарту в Закавказье» — свою докторскую диссертацию.

Проходит некоторое время, в комнату входит человек, замуровывавший окна кирпичом. «Обстрел закончен, — говорит он. — Кто куда, а я — за Навои».

И он садится за перевод Навои. Он готовится к юбилейной сессии, которую проведет Эрмитаж. Скоро весь Советский Союз отметит 500-летие со дня рождения великого поэта узбеков. Ленинград примет участие в этом празднике культуры, и человек, только что замуровывавший окна кирпичом, готовит к этим дням перевод Навои.

«Пусть розой смысла зацветет речей твоих весна»,— бормочет он, записывая перевод.

Хорош лишь тот, с кем истина дружна,
Как солнце, справедливость нам нужна,
И если правда с властью сплетена,
Та власть крепка, незыблема она...

Так работают в этом кабинете, обложив себя книгами, так спорят, думают, пишут, устраивают маленькие научные конференции в часы, свободные от тревог, а вечерами здесь настоящий филиал Дома Ученых. На огонек заходит и академик. Он такой же живой, у него все те же блестящие, энергические черные глаза, все та же великолепная, густая борода, которую время тронуло серебром.

— Я вижу, клубмены спорят, — шутливо замечает Орбели, присаживается, прислушивается и вскоре незаметно для себя так же горячо ввязывается в ночную дискуссию.

У него все тот же неукротимый темперамент. Он все такой же, как и в те дни, когда в 1919 году он стоял у реала Старой академической типографии на Васильевском острове и сам набирал свою работу на армянском языке.

То был город времен блокады, когда люди получали осьмушку хлеба и основывали институты. Как они тогда работали, он и его учитель Марр, как много и увлеченно они работали!

И вот вновь великан-город переживает дни испытания, и ученый видит, что не угас Прометеев огонь в людях нового поколения.

Вой протяжной сирены разносится над ночным городом: «Воздушная тревога!» И все вскакивают со своих рабочих мест, закрывают рукописи, диссертации, свои работы, торопливо надевают стальные каски и спешат в темные залы на посты, на вышки — сторожить свой Эрмитаж.

Нет, он не изменил себе, город Ленина, город больших чувств, больших дел, больших мыслей! Он — все тот же творческий город во всех своих уголках...

Ленинградский Ботанический сад Академии наук. В оранжереях тонкий аромат цветения. В маленьком цементном бассейне, наполненном чистой водой, колеблется отражение зеленых стеблей. Неподвижно застыли в теплом воздухе твердые белые бутоны японской мушмулы.

В часы разбойничьих налетов хранители сада с тревогой прислушиваются к гулу самолетов. Они боятся не за себя, но за хрупкие здания стеклянных оранжерей. Как-то ночью в аллеях парка просвистали зажигательные бомбы. Песком и водой их быстро потушили. Сотни человек ушли из сада на фронт. Оставшиеся заменили ушедших. Они также работают на отечественную войну.

Вот мох, заменяющий вату: он дезинфицирует раны не хуже ваты, если не лучше. Эти пакетики, зашитые в марлю, расходятся теперь по всем госпиталям. Таков взнос своей родине доктора биологических наук Савич-Любицкой. Желтый густой бальзам в флаконах, пахнущий смолой, созданный химиком Ботанического сада профессором Якимовым. Он исцеляет гнойные раны в короткие сроки...

На Выборгской стороне в лаборатории работал ученый. Он ставил перед собой задачу, наиболее благородную, которую только может поставить перед собой ученый, — борьбу со смертью. Много и терпеливо работал этот человек, прошедший путь от фельдшера до ученого.

Он умерщвлял животных, потом возвращал им жизнь. Пришла война. Ученые обратили свои силы на борьбу за жизнь бойца. В одной из лабораторий Военно-медицинской академии ученый вновь склонился над операционным столом. Он работал долго и упорно, и вот лежит перед нами заполненная драгоценной влагой ампула с маркой Ленинградского института переливания крови. Она не боится ни стужи, ни зноя. Она несет с собой жизнь человеку, получившему ранение в бою.

И это вклад профессора с Выборгской стороны в общее дело.

Он верен себе, город Ленина, город русской культуры. Пятая симфония Чайковского плывет над городом. Радиоконцерт. Симфонию сменяет отрывок из «Войны и мира» в исполнении мастера художественного слова.

А потом над Ленинградом раздается бессмертная музыка пушкинского стиха:

Да здравствуют музы,
Да здравствует разум!

По городу бьют немцы из орудий. Они хотели бы заглушить этот голос, славящий разум, но он не умолкает.

Да здравствует солнце,
Да скроется тьма!

Кажется, весь город исторгает к небу музыку пушкинского стиха. Весь город, все его площади, здания, дворцы, кварталы.

Да здравствует солнце,
Да скроется тьма!

ПЯТАЯ СИМФОНИЯ

В эту зимнюю безлунную ночь Ленинград передавал для Англии Пятую симфонию Чайковского. В высоком зале с белым лепным потолком ярко горели люстры. У подножья серебристого органа с блестящими стрельчатыми трубами расположился большой симфонический оркестр. В 9 часов вечера Ленинград передавал в эфир: «Радиослушатели Англии! Через два часа мы начинаем нашу передачу. Слушайте Пятую симфонию Чайковского».

Это было в 9 часов, а в 10 часов над Ленинградом разнесся вой сигнала воздушной тревоги.

Оркестранты покинули свои места. Они заняли другие — на вышках, на крышах, у пожарных постов. Бомбардировка была ожесточенной. Вражеские самолеты зловеще кружили над городом, притаившимся в ночной тьме. Земля содрогалась от разрывов фугасных бомб. Концертный зал оказался под ударом. Сыпалась штукатурка, свистели осколки, сотрясалось здание.

А около одиннадцати часов раздался отбой воздушной тревоги. Без пяти минут одиннадцать в зале с белым лепным потолком к микрофону, стоящему на тоненьком металлическом стержне, подошел ведущий. Оркестранты уже заняли свои места. Дирижер стоял у пульта — худощавый, высокий, в круглых очках, отражавших блеск люстр.

— Граждане Англии, — сказал ведущий на безукоризненном английском языке, — граждане Англии, сейчас мы начинаем наш концерт.

В 11.00 дирижер поднял палочку. В последний раз оглядел свой оркестр, кивнул головой, и в зале возникли первые такты симфонии. Концерт начался.

Нет мыслящего человека, которого не взволновали бы глубина и свежесть этой жемчужины русской культуры. Знали ли там, в далекой Англии, что пришлось испытать час назад нескольким десяткам советских людей, сейчас

проникновенно исполнявших Чайковского? Они и в самом деле исполняли симфонию с необыкновенным подъемом. Они забыли, эти люди, про треск обрушившихся в час бомбежки стен, они забыли про то, что руки их загрубели, эти руки музыкантов, которыми они рыли противотанковые рвы и возводили гранитные надолбы. Забыл и про свою повязку на голове скрипач, раненный осколком...

По залу разливался широкой рекой лирический напев, а в это время в городе опять загрохотали зенитки, отбивавшие уже второй налет на Ленинград. Но Пятая симфония не умолкала. Англия слушала голос Ленинграда. Голос великого города не может оборваться.

В темном небе вспыхивали багровые звезды разрывов, шарили бледной голубизной лучи, а в зале, освещенном люстрами, советские музыканты вдохновенно исполняли замечательную симфонию.

Они не слышали криков радости, раздавшихся в этот ночной час на заснеженных крышах: на вражеский бомбардировщик налетел советский летчик и протаранил его.

Через некоторое время встретились в одном из штабов молодой белокурый летчик Севастьянов и худощавый, коротко стриженный немец. Увидев Севастьянова, немецкий летчик театрально протянул ему руку. Он хотел этим жестом отдать должное мужеству своего победителя. Но тот только равнодушно и презрительно посмотрел на него и не подал ему руки. Встреча эта произошла в ту самую декабрьскую ночь, когда в концертном зале Пятая симфония подходила к концу.

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ЧЕРТЫ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

(Ленинградские рассказы)

1. ЛЮДИ НА ПЛОТУ

Пароход тонул. Его корма высоко поднялась над водой, и над ней стояла стена черной угольной пыли. Бомба ударила как раз в середину корабля и выбросила со дна угольных ям эту пыль, которая медленно оседала на головы плавающих, на обломки, на уходившую в морскую бездну корму.

Среди прыгнувших в холодную осеннюю воду Финского залива мирных пассажиров был один фотограф. Тяжелая лейка, висевшая на ремне через плечо, тянула его книзу. Тусклая зеленая вода шумела в ушах, с неба рокотали моторы немецкого бомбардировщика, разбойничьи атаковавшего этот маленький тихий пароход, на котором не было ни одного орудия, ни одной винтовки. Были женщины и дети, старики и больные, но военных на нем не было.

Фотограф решил, что с жизнью все кончено и что мучить себя лишними движениями, свойственными утопающему, не стоит. Он попытался представить себе, что это скучный и кошмарный сон, но, увы, вода попадала ему в рот, в глаза, тело странно онемело, не чувствовало холода...

Он скрестил руки на груди, закрыл глаза и постарался представить себе жену и детей в последний раз.

Смутно в сознании возникли они и пропали, как будто их размывали волны. Он нырнул с головой и пошел на дно. Но он не дошел до дна. Вода выбросила его вверх. Полузадушенный, полураздавленный волной, он оказался снова наверху и, раскрыв глаза, увидел море, усеянное человеческими головами, низкое солнце, свинцовые тучи и услышал треск пулеметов.

Это немецкий пират, проносясь над тонущими, расстреливал их.

Ему стало так противно и непереносимо, что он решил уйти снова под воду. Он опять скрестил руки, и опять тяжелая лейка, которой он дорожил, как дорожат самым драгоценным оружием, потянула его в зеленую глубину. Какая-то слабость стала проникать в тело. Ноги стали вялыми, и в голове все спуталось.

И снова волна выбросила его наверх, но он уже не раскрывал глаз, боясь увидеть новое страшное зрелище. Покачавшись с закрытыми глазами среди пенистых гребней, он был словно повален и сдавлен двумя волнами, которые как бы боролись за него, волоча его из стороны в сторону. Так они играли им некоторое время, и — странное дело — в его голове чуть прояснило.

— Это, несомненно, последние вспышки мысли, — подумал он, — это то, что называется умирать в полном сознании.

Тут его подняло стремительно вверх, и он, до сих пор не ощущавший никакой боли, почувствовал резкий удар в плечо и, открыв глаза, увидел, что его подняло рядом

с плотом. Взглянув на это шаткое и жалкое сооружение, сделанное в смертельную минуту поспешно и нерасчетливо, он, окинув глазом его пассажиров, никак не осмелился попытаться вскарабкаться на него, а только схватился руками за край досок и, высунувшись из воды, вдохнул полную грудь свежего воздуха.

Освеженный, он откинул со лба мокрые волосы и стал смотреть на плот другими глазами. На плоту сидели трое мужчин и одна молодая женщина. Мужчины были мокры до нитки, молчаливы и мрачны. Они крепко вцепились в доски и не смотрели на женщину. Женщина же кричала ужасным, непрерывным голосом: то громко и пронзительно, то истошно и жалобно звучал он над пустыней моря.

Ее исцарапанные щеки и растрепанные волосы, широко открытые глаза — все говорило о последней степени отчаянья, которое уже не рассуждает. Изорванная в клочья одежда мужчин, их нахмуренные лица, крепко сжатые губы — все это было так близко от фотографа, что он невольно переводил взгляд от этой молчаливой неподвижности к судорожным движениям женщины, кричавшей так, что даже его слух, полуоглохшего подводного жителя, был оглушен этим криком.

Приподнявшись над досками, выплевывая горькую воду изо рта, фотограф обратился к неподвижным мужчинам:

— Что вы не можете успокоить эту женщину?

На него посмотрели равнодушно и мрачно. Плот очень качало, и фотограф должен был напрячь всю силу, чтобы его не сбило под доски. Прокатившийся над его головой вал окончательно вернул ему спокойствие. Потом так приятно было держаться за твердые доски...

Он спросил, как ему показалось, громовым голосом, чтобы перебить крик женщины, рвавшей на себе одежду, смотревшей куда-то вдаль, откуда надвигался вечер:

— Кто здесь коммунист?

Крайний к нему человек посмотрел на него в упор сверху вниз и сказал: «Я...» и протянул руку, чтобы помочь фотографу взобраться на плот.

— Так что же вы, товарищ, — сказал медленно фотограф. — Женщина так кричит, надо же ее успокоить — вы, товарищ...

Тут огромная волна подбросила плот, и люди на плоту исчезли куда-то во мглу, а фотограф ушел в глубину, на которой он еще не бывал, — так тяжело ему показалось это новое нырянье.

Когда его выбросило наверх, никакого плота он поблизости не нашел, на него плыли лишь три чудные доски, которые он и облюбовал для себя. Но оседлать их было не так легко. Они скользили из рук, становились на ребро, и тут он понял, что, если не расстанется со своей лейкой, замечательной постоянной его спутницей, доски уйдут без него в свои скитанья, а с ними и последний шанс на спасенье, так как вечер уже приближался.

Он со стоном расстегнул пряжку на ремне, и ремень соскочил с его плеча. Лейка одна пошла на дно. Через мгновенье фотограф лежал на досках, прижимая к щеке их мокрые края, и вода смешивалась с его слезами. Он плакал о гибели лейки настоящими слезами...

. . . .

В учреждение, где служил фотограф, пришел высокий мрачный человек со шрамом на лбу и спросил, кто здесь старший, чтобы рассказать ему о смерти фотографа, о том, что они — трое мужчин и одна женщина — спасались после потопления их парохода немецким самолетом на плоту и к нему подплыл фотограф. Он начал говорить, и тут волна смыла и унесла его в море, далеко от плота. Он встречал этого фотографа там, откуда шел пароход. Это был достойный человек и хороший работник... И в эту последнюю страшную минуту он вел себя отлично...

Тут перебили говорившего:

— Вы можете это сами сказать фотографу, так как он в соседней комнате.

— Как в соседней комнате? — закричал рассказывавший. — Он спасся?

— Спасся!

Тут позвали и фотографа. Фотограф узнал того человека, что на плоту ответил ему: «Я». Он спросил, улыбаясь: «Ну, а как женщина? Успокоили?»

Человек со шрамом смутился, но все же ответил: «Успокоили. Взяли себя в руки и успокоили. Ваш оклик вернул нас всех к жизни. Вы так неожиданно возникли из моря и так неожиданно исчезли, что мы потом, когда спаслись, все время думали о вас и говорили. И я пришел сюда специально рассказать о вашем поведении...»

— Ну, какое там поведение — сказал фотограф. — Вот лейка пошла ко дну, какая, если бы вы знали... Эх!

2. ПОЕДИНОК

Немецкий летчик отчетливо видел свою добычу: посреди похожего на зеленый пирог леса проходила узкая желтая полоса. Там по насыпи полз длинный состав с военным грузом, и пикировать на лес было просто незачем. Надо только подождать, когда поезд приблизится к выходу на открытое пространство между двумя лесами и тут разбомбить его спокойно и безошибочно.

Самолет развернулся, потом, проблистав на солнце, сделал еще круг и, набрав высоту, нырнул в поле. Два фонтана грязи и земли встали по обе стороны насыпи там, где полагалось быть поезду. Но когда летчик посмотрел на лес, то он увидел, что поезд, дойдя до открытого пространства, стремительно бросился назад в лес. Бомбы легли зря.

Немец сделал еще круг, решив, что теперь он уже не промахнется. Поезд мчался по открытому пространству. Откуда он мог знать, что теперь ему приготовлена встреча в лесу и тяжелые сосны повалятся на вагоны, сброшенные со своих мест гремящим ударом? Сосны упали впустую. Поезд проскочил это место. Бомбы снова были потрачены понапрасну.

Летчик выругался. Неужели этот неповоротливый, длинный, извозчичий состав сможет пройти безнаказанно? Немец спикировал прямо на лес, на середину состава. Возможно, он плохо рассчитал, возможно, тут произошла какая-то случайность, но бомбы попали не в поезд, а в лес. Неуловимый состав продолжал свой путь, упрямо идя вперед.

— Спокойствие! — сказал немец. — Теперь мы поговорим всерьез.

Он стал рассчитывать, строго и внимательно озирая пространство. Его даже увлекла эта непростая охота.

Он ринулся опять из облаков к самой земле, туда, где прозрачная полоска дыма дрожала в раскаленном воздухе. Казалось, он врежется в паровоз. Но кто-то будто вынул из-под него поезд в последнюю минуту. Грохот взрыва жил еще в ушах, но было ясное ощущение: впустую. Он посмотрел вниз: так и есть. Поезд шел, не пострадав ничуть.

Немец понял, что чья-то не менее упорная воля не уступает ему, что у машиниста железный глаз, расчет удивительный и точный, что не так-то легко его поймать.

Поединок длился. Бомбы ложились впереди, сзади, по бокам поезда, но это чудовище, как называл его про себя немец, шло к станции, как будто его охраняли невидимые духи.

Поезд делал какие-то дикие прыжки, все сцепления визжали неистово, на спуске он мчался, как лошадь с закушенным мундштуком, и не лез вперед именно тогда, когда его ждали очередные бомбы. Он шел назад, останавливался, плелся шагом, летел, как стрела, — чего только не выкидывал этот скучный, длинный состав, покорный своему водителю! Бомбы рвались, как хлопушки.

Немец был в поту. Он плевал вниз и снова и снова бросался в атаку. Последний раз он угадал правильно. Поезду не спастись. Машинист впервые дал ошибку. Проклятие сорвалось с обветренных губ фашиста: бомбы все... бомбить нечем!

Тогда он прошелся вдоль поезда, осыпая его пулеметными очередями, но тут явился снова лес, какой-то дьявол подкинул его некстати, и поезд снова невредимо катил в зеленом мраке, и, казалось, его ничто не берет. Фашист обезумел. Он целил в паровоз, в этого скрытого там, за тонкой стенкой, врага, в этого страшного русского рабочего, что смеется над всем его мужеством асса и ведет свой поезд по простору полей и лесов, как сумасшедший... Пули проносились над поездом, некоторые попадали куда-то под колеса, звякали в рельсы, но поезд шел...

Немец откинулся в изнеможении. Небо сияло. Была хрустальная ровная осень, чем-то похожая на вестфальскую, далекую осень. Патроны кончены. Поединок кончен. Русский там, внизу, победил. Ударить в него всей машиной? Безумие остановить безумием? Дрожь прошла по спине фашиста.

Он снизился и с любопытством и ненавистью прошел над поездом. Он не мог видеть, что за ним следит пристальный глаз машиниста, машинист сказал только: «Что, гад, взял?»

И паровоз с презрением пересек черную тень, раздавив ее, тень вражеского самолета, распростертую на пути.

3. НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК

Человек стоял, запыхавшись, злой и растерянный.

— Насилу вас нашел, в этой тьме и собственного дома не отыщешь, — сказал он, сшибая снег с шапки. — Это, что ли, родильный?

— Это, — сказали ему. — В чем дело, товарищ?

— В чем дело — женщина там в переулке рожает, вот в чем дело...

— А вы кто такой?

— А я прохожий. С ночной смены иду. Идемте скорее. Я покажу вам. Ну, и дела... Иду, а тут она. И никого нет, кроме меня... А я же не акушерка.

Через минуту Ирина, санитар и прохожий быстро шли по сугробам. Было очень темно. Дома стояли, как скалы. Ни одного огонька не светилось. Вьюга мела вихри, завитки снежной пыли носились по воздуху, казалось, что улицей пробегают тени разведчиков, прозрачные, холодные, быстрые.

Они присели у сугроба, уткнувшись в спину друг другу. Равномерное, тонкое, нарастающее гуденье приближалось. Они втянули головы в плечи. Красное пламя рванулось где-то из-за угла, и грохот разрыва пронесся по улице. С одного дома слетели ледяки-сосульки и звонко разбились внизу.

— Ох, не задело бы ее! — сказала Ирина.

— Нет, она по другую сторону, ищите там, — сказал прохожий, — вот за тем фонарем и ищите. А я пошел. А то вот он как кидается сегодня. Еще пришибет.

Ирина не была специалисткой по родам. Она дежурила по приему рожениц, но сейчас нужно было итти в ночь, где рвутся снаряды, и отыскать эту рожающую женщину, во что бы то ни стало помочь ей. Ждать тут было нечего. Никто другой на помощь не придет. Глухая ночь. Вьюга, мороз, стрельба. Над головой с лязганьем и завываньем проносились все новые снаряды. Ирина перебегала с санитаром от сугроба к сугробу и останавливалась, прислушиваясь.

Стон донесся справа. Они бросились туда, и действительно, за фонарем, как указывал прохожий, прижавшись спиной к стене дома, у запертых наглухо ворот сидела на снегу женщина. Ирина упала перед ней прямо в снег на колени, и женщина схватила ее за руку жаркой, дрожащей рукой.

Да, эту женщину доставить в родильный было уже поздно: она рожала. Рожала на снегу, в черную зимнюю ночь, освещенная вспышками рвущихся снарядов. Ирина огляделась. Все походило на угрюмый вымысел. Снег сыпался за ворот, сильные порывы ветра ударяли в лицо,

руки холодели, сердце билось от волнения так, что она слышала его стук. Казалось, никакого Ленинграда нет, есть дикая, темная пустыня, заметаемая зимней бурей под вой вражеских снарядов. Напрасно стучать в эти наглухо закрытые ворота, напрасно кого-то звать — улица пустынна, до утра по ней может не пройти ни один человек.

И тут, в этом мраке, на этом открытом всем ветрам месте, рождается новая жизнь. Надо ее спасти, надо ее отнять у холода, мрака и пушек. Ее ухо больше не слышало выстрелов и разрывов. Она помогала женщине так, будто дело происходило в комнате, так, как это всегда...

...Она высоко подняла ребенка, как бы показывая его всему лежащему во мраке великому городу. Она несла его, прижав к своей груди, горячий всхлипывающий комок, накрыв его своей шубкой. Она шла по снегу, на котором не было еще следа человеческой ноги.

За ней, поддерживаемая санитаром, как большая взлохмаченная птица, тащилась роженица. Она падала в сугробы, ее запекшиеся губы шептали: «Я сама...» Санитар, сам усталый, измученный человек, говорил только одно: «Сейчас дойдем, сейчас, уже близко...»

Вьюга бросала им в лицо пригоршни сухого снега. Где-то сыпались дождем стекла после громового удара. Они шли, как победители ночи, холода, канонады. Если бы нужно, это шествие прошло бы через весь город и пронесло бы маленькую новую жизнь, маленького нового человека, явившегося в наш город в такой удивительный час.

Мать знала уже, что родилась девочка. Она иногда протягивала руку вперед, к Ирине, несшей ребенка, точно хотела остановить ее, и снова опускала руку.

Они пришли в родильный дом. И когда женщина уже лежала в кровати и около нее суетились и помогали ей устроиться получше, она подозвала Ирину и сказала строгим, почти суровым шопотом: «Как тебя зовут?»

— А зачем вам это? — спросила Ирина.

— Хочу знать!

— Ирина зовут меня. А к чему вам мое имя?

— Дочку так назову — пусть тебя помнит. Ты ее спасла... Спасибо тебе от души...

И она поцеловала ее три раза... Ирина отвернулась и заплакала, сама не зная почему.

4. МАТЬ

— Пойдем навестим его! — сказала мать, и Оля знала, кого она называет так.

Он — это сын, олин брат — Боря, доброволец. Он сказал, что идет в армию вместе со всеми товарищами его курса. Мать стояла перед ним маленькая, прямая, озабоченная.

— Ты близорук и слаб здоровьем, — сказала она. — Ты не боишься?

— Ничего, мама, — ответил Боря.

— Ты никогда не воевал, тебе будет очень трудно...

— Ничего, мама, — сказал Боря, собирая свой мешок.

...Мать с Олей ходили не раз в ту деревню, где он учился военному делу. Он приходил с занятий возбужденный, усталый, запылившийся, загорелый, садился, и они разговаривали о городе, о знакомых, о друзьях. О войне они ничего не говорили, потому что вокруг и так все было полно войной.

Для Оли прогулки к брату за город казались летними прогулками, дачными, обыкновенными, по местам знакомым и пригородным. Они возвращались, собрав в поле цветы, к электрическому поезду и приезжали в вечерний город, полный суеты и военной озабоченности.

Только в последнее время все перепуталось. Фронт проходил уже где-то близко, и Олю беспокоило, как они отыщут брата сегодня, когда все стало непохожим на те воскресенья, тихие и дачные, в которые они приезжали навещать Борю.

Они шли по полям, уже по-осеннему пустым, дачи стояли заколоченные, навстречу им шли возы, машины, у дороги суетились беженцы с детьми, с узлами, с мешками за спиной, из канавы убитая лошадь подымала деревянные ноги к небу, проходили бойцы, звеня котелками, где-то недалеко оглушительно стреляли.

Они уже далеко ушли от шумного шоссе.

Они шли знакомой тропинкой, но вокруг все было не так и не то: поломанные изгороди, отсутствие людей, какая-то настороженность, тревога, ожидание чего-то грозного. В поле под кустами лежали красноармейцы у пулеметов, замаскировавшись возками, и, когда они вошли в первую деревню, она была пуста, совсем, совсем пуста. Даже воробьи не кувыркались в пыли, ни одной курицы, ни одной собаки. Дым не шел из труб, сиротливо стояли перед

домами пустые, покосившиеся лавки, деревня такой была только в белые ночи, перед зарей, когда все спит. Но сейчас никто не спал — это была пустыня.

Оля храбро шла в тишине этой пустыни за матерью, шагавшей тихими, но уверенными шагами все дальше.

Вторая деревня горела. Когда они поднялись на пригорок, они невольно остановились. Рыжие гривы огня метались над крышами, и никто не тушил их. Несколько изб было превращено в кучу щепок, и это было удивительное зрелище.

Оля потянула мать за рукав, но та сказала спокойно: «Нам нужно пройти к той роще», — и они пошли по улице между горящих домов.

Когда они прошли деревню и спустились в небольшую лощину, раздался какой-то все увеличивающийся визг, он приближался так настойчиво и неотвратимо, что ушам было больно его слушать. Мать остановилась и нагнула голову. Оля сделала то же самое. Она понимала, что они обе делают не то, что надо броситься на дорогу и лечь лицом к земле, но ведь им надо итти, отыскать Борю, а если они будут падать перед каждым снарядом, то они никогда не дойдут, никогда не увидят его.

Снаряд разорвался за холмом. Фонтан земли медленно опадал в воздухе. Только он осел, другой снаряд ударил. Дальше они бежали, спотыкаясь, по кустам, так как на дороге непрерывно взметались черные клубы, пересекаемые красными молниями. Оля дрожала всем телом, у нее пересохли губы, но мать шла неумолимо, и Оля следовала за ней с нелепой мыслью: в нас не попадут, не должны попасть. Не должны...

Деревни, в которой жил и учился военному делу Боря, просто не было. Вместо нее торчали черные столбы, и кое-где обугленные доски образовали причудливые скопления. Даже деревья сгорели или были вырваны с корнем и валялись среди огромных ям, наполненных мутной, зеленоватой водой.

— Мам, — сказала Оля, — куда же итти теперь?

Мать стояла молча. Оле стало жаль ее, такую маленькую, усталую, упрямую.

— Мама, — сказала она снова, — пойдем домой. Ну, куда же еще нам итти?..

— Пойдем немного вперед, — сказала мать, — там спросим...

И они снова шли. Всюду теперь они видели лежащих

в траве, в канавах красноармейцев, смотревших влево. И вдруг им навстречу вышли из маленькой бани три бойца. Мать направилась к ним и радостно сказала одному из них, высокому, худому, веснущатому:

— Если не ошибаюсь, вы — Павлик?

Боец удивленно расширил глаза, мгновенье осматривал внимательно маленькую женщину, стоявшую перед ним, и сказал:

— А вы мать Бори, да?

— Да, — сказала она, — я хочу его видеть. Где мне его найти?

— Найти? — несколько растерянно сказал Павлик. — Идите, как шли, прямо, вот на тот холм, но лучше вам и не ходить... Вам его трудно будет найти, а потом... — он вдруг улыбнулся, — а ведь кругом идет бой, мы почти в окружении, как же вы тут гуляете?..

— Мы не гуляем, — ответила мать, — мне нужно пройти к Боре... Мне нужно...

Она сказала это таким жарким и глубоким голосом, что Павлик, — он был из одного института и из одного батальона с Борей, — сказал только: «Ну, идите...»

...Мать сидела в высокой траве, прижавшись спиной к бревенчатой стене бани. Оля сидела рядом, затаив дыхание. Красноармеец показывал вниз, на болотистую, длинную поляну, поросшую кустами, кое-где блестели ручейковые светлые извивы. Поляна уводила к лесу, и там, за лесом, на холме, виднелась деревня. Над всей этой местностью стоял, можно сказать, ослепительный грохот. Батарея наша била откуда-то из-за спины по деревне, а немецкие пушки держали под обстрелом поляну и подступы к той возвышенности, где сидели мать и Оля.

— Они только что ушли в атаку, — говорил красноармеец. — Как хотите, ждите или нет. Они пошли вон туда... В атаку...

— Вы знаете Борю? — спросила мать.

— А как же, знаю. Он тоже там...

— А как он стреляет?

— Он стреляет подходяще...

— И не трусит?

Красноармеец, бывший студент, обидчиво повел плечом:

— Если бы трусил, мы его в свою компанию не взяли...

Они замолчали оба. Молча смотрели, как горит там деревня на холме, из лесу был слышен гул голосов, кричавших «ура» или что-то другое — длиннее — слов нельзя

было разобрать. Лес, освещенный заревом пожара, казался кровавым.

Мать встала и подошла к краю холма. Она точно хотела увидеть своего сына, найти его в чаще этого леса, раздираемого боем, увидеть его бегущего с винтовкой туда, в горящую деревню. Она стояла долго.

Потом она сказала Оле: «Пойдем» — и, не оглядываясь, пошла по тропинке к дороге.

— Не будете дожидаться? — закричал красноармеец.

— Нет, — сказала она, — спасибо вам за разговор. Идем, Оля...

Они уже вышли на дорогу.

— Оля, — сказала мать, — ты устала, милая...

— Нет, мама, я боюсь, как мы доберемся. Я чего-то стала трусихой...

Мать усмехнулась своими тонкими губами:

— Ничего с нами не будет, Оля, — сказала она снова, помолчав, — теперь я спокойна. Душа моя спокойна. Я боялась, что он не сможет пойти в бой, что он слаб, что он плохо видит, — я решила проверить. Я проверила. Мой сын сражается, как все. Больше мне ничего не надо. Пойдем домой.

И она пошла быстрыми маленькими шагами, маленькая, прямая, легкая...

5. СТАРЫЙ ВОЕННЫЙ

Он был очень стар, и глаза его совсем ослабли. Все стояли у открытых окон, и он подошел, но ничего не видел. Тогда он сказал:

— Скажите мне, что там такое?

— Там над городом, далеко где-то, подымается к небу густой дым. Огромные, как горы, облака белого дыма. И края их розовые от заката. А теперь дым становится синим. Он встает до полнеба...

— Это пожары? — спросил он. — Это немцы?

— Да, — ответили ему.

Зенитки продолжали еще лениво постреливать.

...Он сидел над картами целыми вечерами. Он был старый военный педагог, географ, изобретатель — у него было много карт. Они всегда утешали его разнообразием своих линий, богатством земных очертаний, причудливыми рельефами. Он видел сквозь эти синие узоры и коричневые пятна, сквозь зеленые и желтые полосы жизнь могучей

страны, большую, жаркую, свободную, растущую. Он знал, как год от году менялась эта карта.

Но сейчас он смотрел на карты окрестностей Ленинграда, болезненно морщил лоб, взгляд его становился угрюмым и тусклым.

Треск пулеметов был слышен недалеко.

— Нет, этого не может быть, — говорил он. — Нет, это невозможно.

Он взволнованно бросал лупу на карту и ходил по комнате большими шагами.

— И кому отдать? Немцам! Тупым, беспардонным, кровожадным убийцам детей и женщин, фашистам... Да, да, — брюзжал он себе под нос. — Немецкие генералы, эти самодовольные куклы, они организаторы неплохие, они умеют воевать... умеют воевать? — кричал он в следующую минуту. — Авантюристы, все их планы — это разбойничий обман, это рассчитано на то, чтобы ослепить, разоружить, обескуражить... Не будет этого! Нас не проведешь... Русский народ не обманешь. Не будет вам Ленинграда!

Он ложился на кровать, но сон бежал от его глаз. Он всем сердцем переживал битву, шедшую вокруг города. Он закрывал глаза и видел все эти мирные окрестности, где некогда участвовал в маневрах молодым командиром. Эти тихие уголки исчезали сейчас в дыму пожаров один за другим, и, может быть, страшно подумать, вражеские танки уже прорвались на окраины города. Тогда... он еще в силах бросить гранату, он не спросит, сколько врагов, он плохо видит, это верно, но он спросит: где они? Нет, то невозможно — немцы не будут итти по священным улицам и площадям. Никогда.

Он не ходил в бомбоубежище по тревоге. Воздух сотрясался над домом, о крышу звякали осколки, окна дребезжали, дом качало, как будто он был деревянной беседкой, но он только говорил:

— Летайте, летайте, скоро сломаете себе шею...

Битва затянулась. Враг залег у самых стен Ленинграда. Пришла зима. Холодно и темно стало в доме. Слабо треща, в маленькой железной печурке горели сырые щепки. Старику становилось с каждым днем хуже. Он лежал под старым измятым одеялом, и вся жизнь проходила перед ним. Это была долгая, трудовая, интересная жизнь, и, если бы не годы и не лишения, он бы еще протянул долго. Но сейчас слабость сковывала его руки и ноги и даже дро-

ва для маленькой печурки ему кололи: сам он очень скоро уставал от этой, стыдно сказать, детской работы.

Он думал только о городе, о великом, неповторимом, чудесном.

В минуты сентиментальные, когда думалось как-то особенно грустно об уходившей жизни, он вынимал из ящика стола золотые часы и держал их в руке. Эти часы были наградные. Он получил их за работу на высших курсах милиции, где долго преподавал, где много обучил молодых, сноровистых, лихих милицейских командиров. Он то вспоминал их улыбающиеся лица, их молодой задор, их шумные беседы, то вдруг он видел себя молодым, на коне, в горах, у пенистых потоков, на высотах Кавказа— любознательным картографом, путешественником, историком горных войн... Давно это было...

Он сильно слабел. Даже ложку, когда он ел суп, ему держать уже было трудно. Его кормила дочь, она же рассказывала ему фронтовые новости.

— Отступают, все отступают, — говорил он с тяжелыми вздохами и мучительно смотрел на дочь почти слепыми глазами.

— Старик протянет недолго, — говорили жильцы в квартире.

...В это знаменитое утро женщины, разводившие примусы в своих комнатах, и дочь старого военного услышали странные звуки. В комнате старика звенела пила, потом застучал топор, потом послышалась песня... Да, там кто-то пел песню. Слов нельзя было разобрать, да и вряд ли у этой песни были слова. Это было какое-то самозабвенное, довольное урчанье.

Все знали, что старик лежит под своим ветхим одеялом, тихий, обескураженный, слабый.

Дочь подошла к двери и не сразу открыла ее. Когда же она открыла, она увидела, что ее древний, больной отец пилит какую-то доску и поет. Да, это пел он. Он пел и глаза его сияли; и хотя на его худых широких плечах было накинуто старое, рваное пальто, он был величественен, как патриарх.

— Что с тобой, отец? — с испугом спросила дочь. — Почему ты встал? Зачем ты пилишь? Тебе же трудно!

Он посмотрел на нее и сказал медленно ясным и громким голосом:

— Ты слышала сегодня радио...

— Нет, — ответила она. — А что сообщали?

И вдруг старик почти подпрыгнул с пилой в одной руке и с доской в другой.

— Ты не слышала, ты не слышала! Весь мир уже слышал, а ты не слышала. Немцев разбили под Москвой — на голову, в дым, вдрызг... Авантюристы несчастные! Я давно говорил, что они только могут по-разбойничьи воевать. Разве это тактика? Это — нахальство, это — бандитизм. Дочка, они разбиты, понимаешь... Ленинграда им не видать никогда. Я не мог больше лежать. Я вскочил, когда все это прослушал. Я вскочил, чтобы закричать: да здравствует победа! Ведь это нельзя кричать лежа, понимаешь, дочка!

6. ДЕВУШКА

Неуклюжая тетка в большом байковом платке набежала на нее в темноте, испуганно вскрикнув:

— Ай, кто это здесь?

— Я! — сказала девушка, сидевшая на ступеньках.— Это я — Поля.

— Чего ж ты не бежишь-то... Ведь тревога гудит! Сейчас бомбы тебе на голову пустят.

— Вот я их и жду... — спокойно сказала Поля.

— Что ж их ждать-то, спасайся в убежище.

— Моя служба такая. Иди, иди, тетка, а то и вправду тебя зашибет...

— И пойду. А она, ишь сидит на ступеньках — бесстрашная какая...

— Я не бесстрашная, я — разведчица.

Поля сидела на ступеньках и во все глаза следила за небом, на котором пересекали друг друга прожекторы, лопались ракеты, повисавшие красными пучками, золотые нити трассирующих пуль уходили в синий купол, и над всем стояло прерывистое, враждебное гудение летавших над городом самолетов. И, всем телом сжавшись, ждала она того страшного завыванья, гуда и огненного плеска, который должен сейчас возникнуть, и Поля первая бросится туда, чтобы просигнализировать в штаб местной обороны, куда ударила бомба.

Втянув голову в худенькие свои плечи, закрыв глаза, слушала она нарастающий вой. Раскалывающий голову удар пронесся по улице. Теплая волна ударила в уши, толкнула в грудь. Поля вскочила, шатаясь, и уже бежала по улице туда, где только что упали стены и еще стояло не рассеявшись облако дыма. Свежие развалины вставали

в темноте ночи. Зубцы изорванной стены чернели высоко над девушкой, улица была усеяна обломками, битым стеклом, каким-то невообразимым сором. Через минуту она уже звонила из соседнего дома о размерах бедствия. И сейчас же бросилась в тьму развалин, откуда слышались крики, стоны, вопли.

Так было изо дня в день. Никто быстрее ее не обнаруживал очага поражения, никто не умел так самозабвенно работать, так ухаживать за ранеными, так проводить целые ночи среди шатающихся стен, рушащихся балок и людей с перекошенными лицами. Особенно умело она откапывала детей.

Иногда, обтирая пот обратной стороной ладони, она садилась и смотрела на работу спасательных команд как будто со стороны. Развороченные дома, темный город, мелькающие в руках людей маленькие фонарики — все ей казалось невесомым, несуществующим, небывалым.

Ведь были какие ночи — мирные, веселые, с огнями трамваев, с песнями, танцами, молодежью... Да, все это было. Все это будет. А сейчас...

— Что же это я засиделась! — кричала она себе и вскакивала и снова помогала таскать, разгребать щебень, работать киркой и лопатой.

Она стала удивительно спокойной, твердой в решениях, крепкой нервами. Ее ничто не могло уже удивить.

Раз, прибежав, она увидела при лунном свете, как высоко над грудой рухнувших этажей, точно в воздухе, стоит женщина в одной рубашке, прижавшись к остатку стены, в углу, случайно уцелевшем на пятом этаже. Женщина стояла, как статуя, как мертвая, упершись руками в куски стены справа и слева. И Поля смотрела, не отрываясь, на белое пятно ее рубашки. Она думала только о том, как бы поскорее ее оттуда достать и как это сделать.

Другой раз прямо на нее бежала молодая с растрепанными волосами женщина, прижимая к груди ребенка. Испуганная взрывом, вне себя от страха за ребенка, она могла бежать так через весь город. Поля схватила ее в объятия, погладила по голове, сказала:

— Вот и все!

— Что все? Что все? — забормотала женщина.

— Все, — сказала Поля, — уже все! Больше страшно не будет. Сядь, отдохни. Сейчас я тебя укрою...

И она отвела сразу успокоившуюся женщину на санитарный пост.

Сколько она перетаскала раненых, ушибленных, искалеченных, эта хрупкая девушка с большими, слегка удивленными глазами, сколько успокоила, ободрила, даже рассмешила своими острыми словечками, сказанными кстати!

— Скоро юбилей будешь праздновать, Поля, — говорили подруги, — у тебя уже к сотне спасенные приближаются.

Бомбежки сменились бомбардировками. Это было не так шумно, но подбирать раненых на улице в темноте, под визг осколков и свист проносящихся над головой снарядов было делом нелегким. Но она подбирала, десятки раненых перетаскала она на своей спине.

Огневой налет в тот отвратительный холодный ветреный вечер был особенно жестоким. Поля прижалась к стене, за ящиком с песком, и над ее головой осколки ударили в дом. Посыпалась кирпичная пыль, по мостовой запрыгали куски штукатурки, выбитые стекла. Потом кто-то застонал почти рядом. Улица была пустынна. Редкие пешеходы лежали на земле, вставали, бежали в дома или снова прижимались к мостовой.

Поля прислушалась. Стон был действительно рядом. Она осторожно перебежала туда. Пламя нового снаряда осветило улицу. Она упала. Снаряд попал в тротуар, и звон удара долго жил в ушах. Сердце колотилось. Поля увидела лежащего у дома паренька. Где она его видела раньше? Ну, конечно, весной на футбольном матче. Изумрудная лужайка. Смех вокруг. Разноцветные майки. Молодость. Солнце. Яркая музыка. Теплый, ясный день с курчавыми облаками, и этот парнишка, которому приятели кричали:

— Эй, ты, хавбек! Держись!

Сейчас он лежал без памяти, но когда Поля нащупала его рану, — он был ранен осколком в бедро, — он очнулся и застонал еще сильнее. И она сказала, перевязывая его:

— Эй, ты, хавбек! Держись! Слышишь?

Парнишка замолчал, и она помогла ему встать. Но итти он не мог. Он почти навалился на нее, и она тащила его во тьме, рассекавшейся красными длинными мечами.

Но, вероятно, этот удар расколол пополам улицу и все дома и все вокруг, потому что Поля потеряла сознание. Она лежала на мягкой зеленой лужайке, и ей теперь говорил незнакомый голос: «Эй, ты, хавбек, держись!» Но она не могла ни смеяться, ни даже пошевелиться. «Это мой 98-й раненый», — подумала она почему-то и снова

потеряла сознание. Но в руке она держала руку того, лежащего молча рядом.

И когда над ними наклонились люди, Поля сказала чистым, звонким голосом: «Возьмите его, он тяжело в бедро...» — и не договорила.

— Ноги, — сказал кто-то в темноте, — она ранена в ноги.

Она не слышала. Она говорила кому-то на мягкой зеленой лужайке:

— Мне холодно, какая зеленая холодная трава...

Больше она ничего не видела в эту ночь...

...Но она осталась жива. Когда она впервые пришла в себя, был действительно мягкий солнечный день, и в окно глядели большие зеленые сосны.

7. ВСТРЕЧА

Он быстро шел по обледенелому тротуару, погруженный в свои думы. Изредка он кидал взгляд на дома, темные, вечерние, зимние дома военного времени. Иногда он проходил мимо развалин, не замедляя шага. У одного только здания с широким входом он задержался невольно. В этом доме помещался Детский театр. Сколько шума, веселой суетни, гама и восклицаний знали эти стены! Сколько восторженных, сияющих глаз смотрели на сцену, какие овации вырывались из сердец маленьких зрителей и как дорожили этим детским вниманием взрослые — талантливые актеры этого прекрасного театра!

Теперь все было пусто и мрачно. Только клочки афиш, обледенелые, разноцветные куски бумаги трепал ветер, пробегавший по темной улице. Режиссер вздрогнул и ускорил шаги. Он ясно представил себе артистов, еще недавно весело шутивших, сидевших перед большими зеркалами, гримировавшихся, повторявших роли с таким же увлечением, с каким там, в зале, следили за их жизнью на сцене маленькие люди большого города.

Иные из этих артистов уехали, а иные... Он вспомнил с жестокой ясностью двух, которые работали в его бригаде на фронте. Какая простая стала жизнь! Они сумели быть артистами в тесных блиндажах, где суровые, с обветренными лицами бойцы высоко ценили их искусство. Они выступали с площадки грузовика, среди больших снежных полян, они играли на пространстве в несколько метров в землянках, они были веселые, хорошие люди, простые сердца и фамилии у них были простые: Семенов, Емелья-

нов... Они пробирались под визг мин, под оглушительный рев снарядов по ходам сообщений, перебежками по полю на передовые, они не отступали перед опасностью.

Они умерли одновременно в тихое зимнее утро, и другие артисты с железной дисциплиной людей искусства без них провели бригадное выступление.

Режиссер сам видел, как два черных смерча поглотили их и как покраснел снег на том месте. Да, все стало просто, как этот темный город, который когда-то весь сиял и переливался огнями. Вот это и есть новая классика, о которой спорили, которую не могли ясно представить. Величественная простота вечера, темных зданий, пустынных улиц — и такая же простота жизни и смерти.

Режиссер внезапно ускорил шаги, так как он увидел, как шедший впереди него пешеход покачнулся и стал взмахивать руками слабыми движениями утопающего. Режиссер добежал до него и подхватил под руку. Пешеход упал головой ему на плечо, и они так стояли несколько мгновений. Режиссер увидел старика, с исхудалым лицом, большими лихорадочными глазами, жадно глотавшего воздух широко открытым ртом.

Наконец, старик, покачнувшись еще раз, несколько пришел в себя. Он взглянул на пришедшего к нему на помощь и сказал тихим хриплым голосом:

— Простите меня великодушно — я ослабел...

— Вы далеко живете? — спросил режиссер.

— Нет, — отвечал старик, опираясь на него, как на великана, и действительно, режиссер казался великаном рядом с тщедушным, тонким, почти призрачным стариком.

— Нет, — повторил старик. — Я живу вон в том доме, в конце улицы...

— Я провожу вас,—сказал режиссер:—мне по дороге.

Он взял старика под руку, и они отправились.

Старик шел, вздыхая и что-то шепча. Режиссер поддерживал его бережно, как больного отца. Так они молчо, спотыкаясь на льдистом тротуаре, дошли до ворот дома, до подъезда, черного, как пещера.

Старик сказал: «Здесь» — и прислонился в дверям подъезда. Режиссер стоял против него. Старик медленно поднял голову, осмотрел улицу, взглянул на темное холодное небо и пристально всмотрелся в своего спутника.

— Молодой человек, — сказал он, и бледная тень улыбки появилась на его тонких, почти черных губах, — знаете ли вы, в каком городе вы живете?

Режиссер молчал. Старик приблизил свое исхудалое лицо к его лицу.

— Вы живете в Илионе, — сказал старик громко.

— В Илионе, — повторил режиссер, — почему вам пришла эта мысль сравнивать наш город с Троей древних?..

— Простите меня, я — старик, я старый преподаватель древней истории... Я не знаю города, легенда о котором была бы так величественна, как легенда о Трое, и только наш город сегодня, не кажется ли вам, не только сравнялся с Илионом, но... — сказал он совсем тихо, — но и превысил его своим героизмом...

Режиссер ответил не сразу. Они стояли друг против друга в безмолвной тишине у входа, черного, как пещера, и, как крепостные стены, подымались дома вокруг них.

— Пожалуй, вы правы, — сказал режиссер, — но в нашей Трое не будет троянского коня! Не будет — никогда!

Они горячо пожали друг другу руки, взаимно пожелали спокойной ночи и расстались.

8. ЛЬВИНАЯ ЛАПА

Юра не принадлежал к тем мальчикам, которым все время говорят взрослые: не путайся под ногами. Нет, он хоть и был мал, ему было всего семь лет, но он пропадал по целым дням в парке, или на улице, или в зоологическом саду. Зверинец был перед его домом через дорогу. Он часто забирался в сад, и ему очень нравились звери.

Но ему было страшно стыдно сознаться, что больше всего он любил большого гипсового льва, стоявшего на столбе, у кассы перед входом в сад.

С тех пор, как он его увидел первый раз, он уже не мог относиться к нему равнодушно.

— Он охраняет сад, чтобы зверям не сделали худа разбойники, — да, мама? — спросил он однажды мать.

— Да, да, — рассеянно ответила она, и он остался очень доволен, что мать не спорила с ним в таком важном вопросе.

Большой гипсовый лев гордо возвышался над входом, и всякий раз Юра приветствовал его дружески и почтительно.

...Над городом выли сирены, и матери, волнуясь и спеша, собирали детей и загоняли их в бомбоубежища. Юра сидел в подвале на скамейке, и его маленькое сердце ёкало. Страшные, неведомые ему грохоты ясно доносились сюда, в большой, низкий подвал. Иногда подвал вздраги-

вал, как в испуге, что-то сыпалось вдоль стен снаружи, доносился звон разбитых стекол.

— Вот разбойники прилетели опять, — говорили женщины возмущенно; старухи крестились при каждом особенно громком разрыве.

Вдруг дом тряхнуло так, точно кто хотел его вырвать из земли вместе с фундаментом и подвалом, как дуб с корнями, но потом раздумал и только очень сильно покачал.

— Это близко упала, — сказала юрина мать, — может, даже напротив...

И она не ошиблась. Когда тревога кончилась, все бросились смотреть, куда упала бомба. Юра побежал вместе с матерью. Бомба упала в зоологический сад, убила слониху, ранила обезьян, и испуганный соболь бегал по улице, вырвавшись на свободу, — рассказывали любопытные.

Но Юра, плача, кричал одно: «Мама, лев!»

Столько отчаяния было в этом юрином вопле, что мать невольно взглянула, куда указывал Юра. Его прекрасный кумир — большой гипсовый лев лежал на боку, положив огромную белую голову на лапу. Задних ног у него не было. Одна передняя лапа была раздроблена, но грива осталась такой же царственной и взгляд его был строг и неподвижен, как всегда.

— Мама, разбойники убили его! — кричал Юра. — Мама... он сражался с ними...

И он бросился что-то искать у подножья столба, избитого осколками. Он рылся в обломках, и слезы текли неудержимо из его голубых глаз. Он что-то все-таки отыскал и теперь судорожно прятал в карман.

— Юра, что ты там делаешь! — сказала мать. — Что ты там в грязи копаешься. Перемажешься только, брось сейчас подбирать всякий мусор...

Юра не мог уйти. Он все ходил кругом столба и смотрел на лежавшего на боку льва, как будто хотел запомнить на всю жизнь этого бедного безмолвного зверя, стоявшего у входа в сад и сторожившего покой зверей несколько десятилетий. Юру не привлекали воронки, разломанный забор, перевернутая будка, касса, от которой осталось несколько столбиков, ни даже песец, бегавший где-то тут, в парке, между кустов. Он смотрел только на льва.

Однажды вечером к юриной маме пришел запыленный военный. Он сидел за столом, пил чай, и Юра смотрел на него усталыми глазами, которые слипались все больше с каждой минутой. Он так набегался сегодня, что плохо уже

слышал, что рассказывает военный. А военный рассказывал о фронте, о том, какие там бойцы, как они бьются с немцами, какие совершают подвиги, он рассказывал о мамином брате, получившем орден Красного Знамени. Мама заметила, что Юра совсем валится со стула сонный и усталый, и она повела его спать. Уже раздевшись, сидя на постели, он сказал:

— Правда, что дядя Миша получил орден Красного Знамени?

— Правда, он сражался, как лев, вот ты вырастешь, будешь таким же храбрым. Дядя Миша приедет — тебя научит воевать...

— Мама, — сказал он, — он сражался, как тот лев...

— Какой тот? — спросила мать. — Это всегда говорят так, когда храбро сражается красноармеец, — как лев...

— Ну, значит он сражался, как тот лев, — отвечал, не слушая ее, Юра. — Значит, хорошо сражался... Я буду тоже так сражаться...

— Ну, спи, спи, — сказала мать. — А то еще тревога будет, надо до тревоги выспаться...

Тревоги стали теперь постоянным явлением. Юру не всегда удавалось загнать в подвал. То он пропадал где-то на улице, то вылетал на крышу, пробравшись на чердак, то дежурил на санитарном посту. Он уже привык к зениткам, к качанью дома, к глухим ударам бомб.

— Где ты пропадаешь? — спросила его мать. — Ищешь, ищешь тебя — нигде нет. Не смей далеко от дома отходить. Без отца совсем распустился. Вот отец с корабля вернется — он с тобой поговорит. Совсем от рук отбился.

— Я у нас за домом баррикаду строю... — сказал он серьезно.

— Какую баррикаду?

— Уже на Большом строят, мама, баррикады. Я сам видел, и мы строим. Я сговорился с мальчишками...

Через три дня после сильного налета его принесли оглушенного взрывом бомбы. Мать, бледная, с растрепанными волосами, дрожащими руками раздевала его. Он лежал тихий, но уже пришедший в себя. Его только толкнуло слегка воздухом и бросило оземь.

— Я смотрел баррикаду за домом, — сказал он тихо виноватым голосом. — Я жив, мама, ты не бойся.

Мать вытряхивала из его карманов всякую всячину, ища его платок.

— Что у тебя за дрянь в кармане всякая, — сказала

она вытаскивая большой, ставший уже серым кусок гипса.

— Мама! — закричал Юра. — Не трогай. Это львиная лапа. Оставь. Это мне нужно. Это у меня на память.

Мать удивленно смотрела на кусок гипса. Действительно, на нем был ясно заметен большой полукруглый коготь.

— Зачем тебе это? — спросила мать. — Это ты там в мусоре отыскал?

— Это на память, — сказал он, хмуря свой маленький лоб.

— Да зачем тебе на память — не понимаю, Юрик, маленький, — нежно сказала мать.

Он покраснел и сказал:

— Я отомщу за него... этим разбойникам! Пусть только мне попадутся. Я им припомню...

9. СЕМЬЯ

— Даша, иди-ка, мать, сюда, разговор один есть, — сказал Семен Иванович.

Даша посмотрела на мужа так, как будто видела первый раз перед собой этого широкоплечего, серьезного человека с неторопливыми движениями и суровыми глазами, давно уже не улыбавшегося и не отпускавшего шуток по ее адресу. Она вытерла руки о передник, села на стул и сказала, отводя взгляд куда-то в угол:

— Да знаю я твой разговор, Семен.

— Знаешь? Откуда же ты знаешь?...

— Сердцем чую... Ну, уж говори...

— Притвори дверь, чтоб Оля не слышала...

— Оля ушла за водой, а я тебе сама подскажу; ты только меня поправь, если что не так... Я ведь видела, как ты после смерти Кости мучаешься. Ну, что же. Костя погиб, защищая Ленинград, хорошей, чистой смертью умер, а этим фашистским выродкам надо мстить, Семен Иванович, надо мстить ежедневно, ежечасно... Чего они творят, мерзавцы, не перескажешь, язык не поворачивается — такой страх; презираю я их и ненавижу — за Костю, за брата, мстить им хочешь, на фронт решил. Да? Права я?

Семен Иванович ударил ладонью по колену, встал, подошел к ней, обнял ее, поцеловал, сказал:

— Эх, ты, угадчица. Правильно, все так и есть. Чтобы не раздумывать, я уж и бумаги оформил. Вот, мать, какие дела — одним бойцом больше стало. Не могу я работать — душа кипит. А я старый солдат — империалистическую всю прошел, стрелять не разучился. Только, мать, времени

у меня мало. Собери, что там нужно со мной вещишек...

— Все будет в порядке, — сказала тихо Даша. Она подошла к окну и взглянула на улицу: не идет ли Оля. На улице было множество людей, как в праздник. Все шли пешком, потому что трамваи не ходили. Люди тащили саночки с дровами, с какими-то мешками, на иных санках сидели старики или старухи, закутанные в платки, обмотанные шарфами.

Воду везли тоже на санках. Ее везли в детских ваннах, в бидонах, в ведрах, в жестяных ящиках. Люди скользили на мостовой, вода выплескивалась и замерзала ледяными языками. Мороз был жестокий. Порывы ветра налетали с залива, бросали в глаза людям пригоршни колючего снега, ледяной пыли. Люди обвязали себе лица до рта черными повязками и шли, как бы в полумасках, как ряженые. Даша некоторое время смотрела на пестрые толпы, двигавшиеся беспрерывно. Под полумасками намерзали от дыхания ледяные кружева. Белый пар клубился изо рта пешеходов. Трудно было увидеть Олю с ведром в густоте этого человеческого потока. Оля должна притти с минуты на минуту.

— У меня тоже есть разговор, — сказала отвернувшаяся от окна Даша. — Я тоже решила: раз ты на фронт — я тебя заменяю. Не перебивай меня, Сеня, послушай, что я скажу. Город наш в осаде. Нивесть какие мученья люди принимают. Город фронтом стал, — в газетах нынче пишут. И это правда. А если так — ты уходишь за брата мстить немцам, я на твое место встаю. Я еще женщина крепкая, выдержу, — не беспокойся. Я понятливая — работу люблю. Тебя не подведу. Стыдиться жены не будешь... Дело понимаю... Ведь я с завода-то ушла только из-за детей...

— А сейчас? — сказал Семен Иванович.

— Что сейчас?

— Да ведь Петя мал еще. Да и Оле всего двенадцать. Слабенькая она. Как же дети-то будут, если я и ты из дому уйдем вместе? Завалится дом, — мать, ты подумала об этом?

— Подумала, — хорошо подумала, Сеня. И вот что я надумала: отправлю детей на Пороховые, там у меня подруга старая есть — у ней тоже погодки с моими, попрошу ее их пригреть. Вот тебе и руки свободные. Не те времена, чтобы думать о семейной жизни. Может, увидимся, а может, и нет. Да и дома наши враг рушит. Надо бороться с ним,

нечего руки сложа сидеть. Никто за тебя драться не будет— сама дерись... Правильно я говорю, Сеня?

— Правильно, мать, — сказал Семен Иванович, — хорошо говоришь.

Вошла Оля. Оставив ведро с водой на кухне, она сразу, чтобы погреться, вошла в комнату, прошла к маленькой печурке и стала греть озябшие, маленькие, посиневшие руки. Какими-то необычными показались ей сегодня отец и мать.

— Мама! — сказала она. — Отчего вы такие, ну, отчего вы такие? Что случилось? Кого еще убили? Нет, правда, вы что-то скрываете?..

— Нечего нам от тебя, девочка моя, скрывать, — сказала Даша, — вот раздевайся и слушай внимательно, что мы тут решили. — И скороговоркой, набрав сразу дыхания, она сказала: — Отец на фронт идет, а я на завод, а вас отправляю к тете Леле на Пороховые... Вот, дочка...

Оля подбросила в печурку два полешка и сидела перед печуркой, смотря в ее низкий, неохотно разгорающийся огонь. Не подымая головы, она спросила:

— А нас с Петькой зачем на Пороховые?

— А кто же в доме, девочка, управляться будет? И в очереди за хлебом ходить, и дрова доставать, и воду таскать, и Петю кормить. Он вот вернется от соседских ребят — надо за ним посмотреть, последить... Кто же тут управится, если меня не будет...

— Мама, не пойдем мы с Петькой на Пороховые, не люблю я тетю Лелю. Ну ее к богу. Она ворчит, ворчит целый день... А кто тут управится? — Я управлюсь!

Она вдруг встала, резко сбросила шубенку с худых, почти мальчишеских плеч, тряхнула головой и начала говорить:

— Плохо я сейчас управляюсь? Воду ношу, подумаешь, дрова я знаю, где брать, мне Валька из семнадцатого поможет, печку растопить — подумаешь, какие разносолы на обед, за хлебом — с той же Валькой по очереди будем стоять; Петьку я и так каждый день кормлю. Не думай, что я маленькая. Теперь маленьких нет. Все мы большие. Идите оба, раз нужно, — идите. Ты же домой приходить будешь? Будешь?... Ну и ладно! А трудно мне будет — подумаешь, всем трудно. Ни на какие Пороховые я и не двинусь. Вот, мама, так и будет, мамочка, дорогая, все хорошо будет. Дай я тебя поцелую... Вот и все, подумаешь...

10. ЯБЛОНЯ

В бомбоубежище погас свет. Оно сразу наполнилось криком и шумом отодвигаемых скамеек и стульев, потом какой-то голос прокричал:

— Тише, товарищи, сидите спокойно.

И люди стали сидеть в темноте. Налет длился уже несколько часов. Художник сидел на складном стуле, с которым он выезжал на летние этюды. Сейчас этот легкий трехногий, его собственной конструкции стул очень пригодился. Художник жил в маленьком домике, одноэтажном, старом, одном из тех многих ветеранов, какие еще стоят на широких улицах Петроградской стороны. Перед домиком был сад и в саду старый запущенный фонтан со ржавой трубой и гранитом, покрытым мхом. Сейчас глубокий снег скрыл его, и художник менее всего думал в эти часы о домике, саде и фонтане.

Его сознание смутно регистрировало разговоры соседей, восклицания ужаса и удивления, плач детей. Плотный, черный мрак закутал его с головой, как плащ.

— Надо было давно уехать, — сказал кто-то раздраженно, и он подумал: да, в самом деле, какая глупость, что он не уехал. Никакой трусости в этом нет. Он сейчас рисует плакаты, и они пользуются успехом, они висят на улицах и в клубах, в землянках на фронте, — это верно. Но ведь он мог их рисовать не обязательно в Ленинграде. Да и условия работы здесь стали почти нестерпимо трудными. Холодная мастерская, окоченевшие пальцы плохо держат карандаш, печурка ничего не греет, никак не можешь согреться. Бомбоубежища у него в маленьком домишке, естественно, нет, он бегает в соседний огромный дом отсиживаться долгими часами, он простужен, устал, кашляет, недоедает уже давно. Руки покрылись какой-то корой от холода. Это ревматизм или что-то вроде. Ему трудно ходить на большие расстояния от дома до союза художников, трамвая нет, вот и свет погас. А ему рассказывали, что стоит отъехать на Волгу, и там города, залитые светом, теплые комнаты, есть в изобилии еда, там живут его товарищи, которые во-время уехали... Да, да, какая глупость сидеть здесь в темноте, в холоде, в голоде — и ждать бомбы на голову...

Время от времени дом содрогался сверху донизу, и тогда все затихали, а потом несколько минут царил дикий

галдеж. Понемногу восстанавливалось спокойствие. Мрак, казалось, сгущается еще больше. Художник потерял представление о времени. Он вошел в подвал вечером, сейчас уже, вероятно, поздно. Налет безобразно затянулся. Опять долетел гул удара, опять и опять... Бросают бомбы, — тоскливо подумал он. Вот и город, который он так любил, изменился. Его жалко до боли, до слез. Как все это мрачно и грустно. Вот сейчас кончится эта тревога — он выйдет на улицу и, может быть, увидит новые развалины домов, пожары, груды обломков... Эти квартиры, где висят в воздухе кровати и шкафы, зацепившиеся за балки, — жалкий инвентарь человеческого быта, неустойчивого, случайного...

Тонко заплакал в углу невидимый ребенок. Художник стал представлять себе сквозь мрак эту детскую головку с широко открытыми глазами, полными слез. Может быть, он спал и проснулся, заплакал, испугавшись темноты. Нарисовать бомбоубежище — вот почти такое, только освещенное свечами. Это дрожащее пламя, пробегающее по лицам, черные тени на стене, настороженные фигуры, старухи, кутающиеся в старые шубы, молодые люди, шушукающиеся в углу, дети, которых прижали к груди молодые матери...

Свет блеснул на лестнице, и со двора донеслись в открытые двери звуки отбоя. Тревога, наконец, кончилась.

Художник не торопился выходить. Он подождал, пока толпа втянулась в узкий проход, и ушел почти последним, ощупью, держась за холодные стены.

Он боялся, что он увидит развалины вот сейчас, тут же рядом. Он думал, что он, так же спотыкаясь, проберется к своему маленькому домику, до которого два шага.

Он вышел на улицу и остановился, недоумевающий и растерянный.

Все было залито ослепительным, могучим лунным светом. Огромная почти фиолетовая луна в морозной дымке висела над брандмауерами, в высоте зелено-синего неба, на котором расположились курчавые, белые, как отары белых мериносов, облака. Небо, казалось, звенело от холода и света. Пустые стены больших домов, выходивших на пустырь, были, как бронзовые. Снег сладко хрустел. Атласноголубые тени лежали на богатых сугробах вдоль улицы. Такая обычная, она сияла неизвестной прелестью.

Он шагнул к своему домику и не мог узнать места. Он

очутился в саду, который был сказочен, как сон. На деревьях лежал иней в три пальца толщины. Каждая веточка была как бы отделана искуснейшим мастером, искрилась, источала сиянье, непонятные огоньки бегали по верхушкам, где лежали соболиные шапки снега, казалось, деревья одеты для торжественного танца, и они сейчас поведут хоровод вокруг художника, сомкнув свои сверкающие руки и потряхивая алмазами во все стороны.

Посредине этого чудесного сада стояло дерево обворожающей красоты. Все, что украшало другие деревья, блески, сиянья, искры, алмазы, — все было приумножено на нем и все достигало совершенства, какого не могут сотворить человеческие руки. Дерево горело холодным, изумительным огнем, оно, как белый костер, выбрасывало снежное пламя, и пламя это ни на мгновение не прекращало своей огненной игры.

Художник стоял, ничего не понимая, погруженный в немое созерцание. Он не узнавал места, не мог понять, как же он очутился в саду и где он вообще находится.

Он оглянулся. По улице шел народ. Слышался молодой смех и веселое скрипение снега. Он снял шапку и секунду стоял с закрытыми глазами. Он пришел в себя. Раскрыв глаза, он как бы вернулся на землю. Он стоял в собственном саду, пройдя прямо к фонтану, занесенному снегом. Как же он миновал забор, огораживавший сад? Забора никакого не было. Могучая воздушная волна взрыва унесла его, разбросав далеко по улице, начисто смела все эти старые, дырявые доски. Дерево ослепительной красоты была его знакомая, старая яблоня, стоявшая всегда скромно у фонтана.

Он оглянулся и увидел город, залитый фиолетовой колдовской луной. Прекрасный город вставал вокруг него в неизмеримой, в неповторимой красоте.

Художник смотрел на него, как будто родился заново. Все его мрачные мысли, раздиравшие его там, в подвале, исчезли. Как? Уехать из этого изумительного мира красоты, героизма, труда, великолепия! Разве отсюда уедешь? Никогда и никуда.

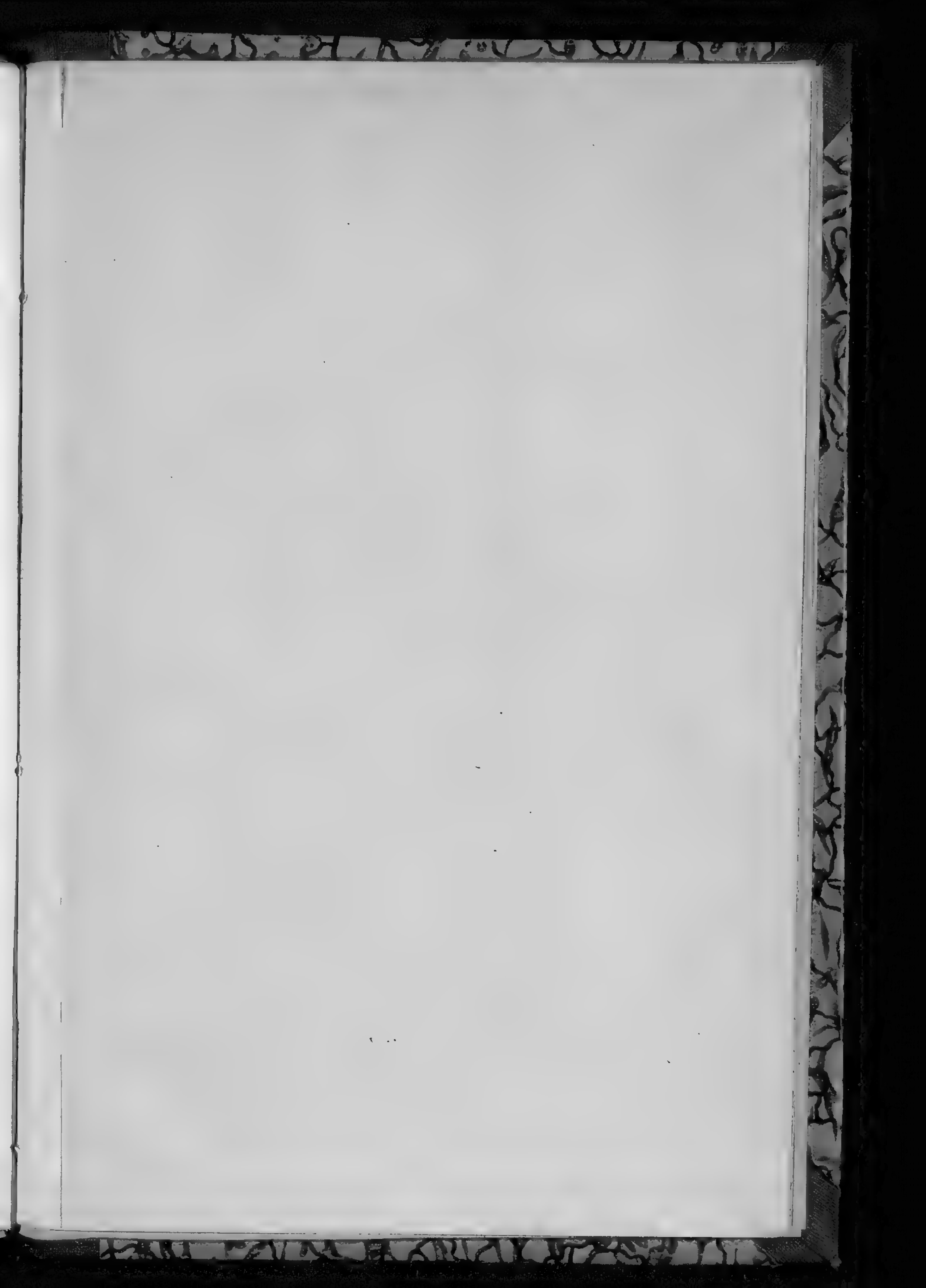
Этот город надо защищать до последнего вздоха, до последней капли крови, надо отбросить от его стен врага, надо истребить его без остатка, а уехать — нет, никогда! И художник все стоял и смотрел и не мог насмотреться и надивиться, полный великой радости и гордости.

ЛЕНИНГРАД

Где б ты ни был, товарищ, —
на дальневосточной границе,
Или в Арктике снежной,
или в южном Крыму,
В эти дни к Ленинграду
твоя мысль устремится,
Твое сердце, товарищ,
обратится к нему.
Как мы любим его,
как он близок и дорог,
Всем республикам,
Волге, Уралу, Москве,
Этот город великий,
замечательный город,
Что лежит на широкой,
могучей Неве.
Мы к нему обращались
в дни торжеств всенародных,
Каждый дом, каждый город
был счастлив и рад,
Когда голос вдали
раздавался свободный:
«Говорит Ленинград!
Говорит Ленинград!»
И казалось всем нам:
по широким проспектам
Мы идем,
и могучие песни звучат.
Как он дорог и близок,
прекрасный и светлый
Город, названный
именем Ильича.
Сыну я говорил:
— подрастешь, дорогой мой, немного,
Я тебя повезу в Ленинград,
в город юности дальней моей,
Побродить по садам,
по мостам, по дорогам,

Подышать его воздухом,
воздухом бурных морей.
И вот к этому городу,
городу счастья и славы,
Сея смерть и насилье,
злобу и мрак,
Приближается хищный,
жестокий, коварный,
Нас и наших детей
ненавидящий враг.
Так вздымайся же выше,
волна всенародного гнева,
Встань заслоном стальным
у врага на пуги.
Поднимись, наша ненависть,
вплоть до самого неба,
Неприступной стеной
Ленинград защити!
Город Ленина знал
дни боев и тревоги.
Ленинградцы — бесстрашные люди,
и им воевать не впервой.
От родимых застав
по военной дороге
В бой уходят отряды,
за родину, в бой!
Это кировцы,
это особые люди.
Эго сталинцы,
это советский народ.
Враг стремится вперед,
но разбит и раздавлен он будет,
И конец свой бесславный
в могиле найдет.
После нашей победы
по улицам светлым,
Среди шумной толпы
и веселых огней,
По мостам Ленинграда,
по широким проспектам
Мы, волнуясь, своих поведем сыновей!

1 руб. 50 коп.

